ДБ
40
В-49
Виноградов.
Флот в рев. дв.
439. 2.

ДБ
40
349

С.С.С.Р

ОМСОФЛОТСКАЯ БИБЛИОТЕЧКА

2АЯ СЕРИЯ:

МОРЯКИ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

С. Виноградов.

ФЛОТ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

-й экз. с. фонда

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

С. С. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ В.-МОРСКИХ СИЛ РККФ.

323.2 (47)

Степан Виноградов.

ФЛОТ
В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ.

Общедоступные очерки.

Издание 2-ое, переработанное и дополненное.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА
ИНСТИТУТА ПРОФЕССУРЫ
№ 43256
16

ЛЕНИНГРАД.
1925

Отпечатано
в типогр. В.-М. Сил РККФ.,
зд. Главн. Адмиралт.

Тираж 3000 экз. — 8 лист.
Ленингр. Гублит № 10085.

Заказ № 1113.

Предисловие ко 2-му изданию.

Первое издание было выпущено „на скорую руку“ весной 1922 г. к Всероссийской „Неделе Красного флота“. Издание быстро разошлось, но повторять его я не хотел, имея в виду написать капитальную книгу по истории революционного движения во флоте, — попутно можно было бы проверить и содержание популярной брошюры. Но текущая практическая работа до сих пор не дает возможности выполнить эту задачу. Между тем, требования на общедоступную брошюру по вопросу о революционном движении во флоте усилились со всех сторон. Поэтому я получил предложение Редакционно-Издательского отдела Морских Сил РККФ выпустить брошюру „Флот в революционном движении. — Общедоступные очерки“—вторым изданием.

С 1922 года по настоящее время опубликовано очень много материалов, которые мне были неизвестны при подготовке первого издания. Однако, в целом эти материалы, кроме подробностей, ничего принципиально нового не дают.

В отношении лейтенанта Шмидта я получил документальные данные, которые подтвердили мое личное мнение о том, что Шмидт не был вождем и не мог быть вождем вооруженного восстания моряков („Лейтенант Шмидт“,—воспоминания сестры; и статьи т. Дробот в „Пролетарской Революции“ за 1923 г. № 6—7 и № 10),—это теперь я отражаю и в брошюре.

Вся брошюра переработана в сторону уточнения имен и времени, добавлены кой-где подробности, введены рисунки.

При составлении впервые и при переработке, я пользовался материалом следующих журналов, газет, книг и брошюр:

1. „Красный Балтиец" (в Петрограде) за 1920 и 1921 г.г.

2. „Красный Флот" (Петроград) за 1922—1924 г.г.

3. „Красный Балтийский Флот" (газета в Петрограде с 1920 г.).

4. „Красный Черноморский Флот", „Аврал", „Красный Черноморец" (газета, с 1920 г. в Одессе, с 1921 г. в г. Севастополе).

5. „Морской Сборник" (в Петрограде с 1920 г.)

6. Штабс-капитан С. А. Ц и о н.—„Три дня восстания в Свеаборге".

7. Е. А. С е р е б р я к о в. — „Революционеры во флоте", Гос. изд. Петербург. 1920.

8. О. Л. Д'О р. — „Красный часовой — Кронштадт", Москва. 1920.

9. Л. Т р о ц к и й.—„1905".

10. Сборник „5 лет Красного Флота", изд. Ред.-Изд. Отд. Морского Комиссариата.

11. Сборник „Красный Военный Флот", изд. Центр. Комиссии по проведению недели Красного Флота. 1923.

12. Ф. Р а с к о л ь н и к о в.—„В недрах царского флота".

13. Д ы б е н к о. „Мятежники".

14. „Лейтенант Шмидт". Воспоминания сестры.

15. Восстание на броненосце „Князь Потемкин Таврический". — Воспоминания, материалы и документы под редакцией и со вступительной статьей В. И. Н е в с к о г о. Москва. 1924 г.

16. Журнал „Пролетарская Революция", книги: 9-я 22 г., 5-я, 6—7 и 10-ая 23 г., 4, 5 и 10-я 24 г.

17. Кирилл. „11 дней на „Потемкине“, СПБ. 1907 г.

18. И. Генкин.—„По тюрьмам и этапам“.

19. „Моряки первой революции“ — под общей редакцией Игната, изд. „Молодая Гвардия“, 1923 г.

20. Ив. Вороницын.—„Из мрака каторги“.

21. В. Зоф. — „Из истории флота прошлого и настоящего“.

22. Залежский.—Борьба за Балтфлот.

Весь материал обработан так, чтобы помочь краснофлотскому, комсомольскому и всему рабоче-крестьянскому молодняку еще крепче полюбить Красный флот, заразиться героизмом революционеров-моряков и перенять от них беспредельную преданность делу борьбы за коммунизм.

Ст. Виноградов.

13 апреля 1925 г.

I.

Моряки в революции.

Когда нужно было лет 35 тому назад найти социалиста, говорили:

— Иди и смотри: где увидишь фабричную трубу, там же наверняка найдешь и социалистов.

На вопрос о том, где всего скорее можно найти революционера среди военных, отвечали:

— Где есть военные корабли, там есть и революционеры из военных.

Этим самым отмечалось, что сама служба в военном флоте способствует возникновению среди моряков революционного движения.

Так оно и было.

Военно-морское дело — очень сложное, мудреное. Без образования тут ничего не поделаешь. Кроме того,—в непогоду, в бурю надо на корабле иметь ловкость, быстроту, силу, выносливость.

Поэтому всегда и везде на флот набирали и набирают наиболее смышленую, расторопную, смекалистую молодежь—из городов и местностей, где население занимается отхожими промыслами на реках, озерах, у морей.

Начальствующий состав в военном флоте должен иметь большое общее и большое специальное (особое) образование. Старое морское офицерство было образованнее армейского офицерства царской армии.

Моряки видят больше, чем люди, которые живут только на суше и сидят на одном месте. Флот во время плавания бывает в разных странах. Мо-

ряки видят разные порядки и могут, поэтому судить: где лучше, где хуже.

Благодаря этому царское морское офицерство всегда отличалось от офицерства армейского особым либерализмом (свободомыслием). Правда этот либерализм был барский, аристократический но в стародавнее время и это ставило морских офицеров впереди армейского комсостава.

Декабристы на Сенатской площади в Петербурге.

В плаваниях по морям и океанам моряки постоянно живут под угрозой беды: штормы, подводные камни, мели, порча машины, пожар на корабле. Моряки привыкают не бояться опасностей, привыкают к риску, как к обыкновенному делу.

Благодаря всем этим обстоятельствам, „в течение целого столетия морской флот и моряки явля-

лись одной из крупнейших революционных и передовых сил в нашей стране. Лучшие блестящие страницы в истории революционной борьбы в России принадлежат флоту“ [1]).

II.

Моряки в декабрьском восстании 1825 г.

Это было ровно сто лет тому назад. Господствовало крепостное право. Крестьяне работали на помещиков и принадлежали им, как домашний скот. Государственная власть была в руках крупнейших помещиков во главе с царем.

Адмирал Мордвинов.

Но к этому же времени начала развертываться фабрично-заводская промышленность. С 1804-го по 1825-й год число суконкацких фабрик возросло со 155 до 324, бумагокацких — со 199 до 484, чугунно-литейных и железоделательных заводов—с 26 до 170.

Торговля продолжала тоже развиваться.

За 10 лет до восстания кончилась большая „война с французами“. Во время этой войны почти все молодое дворянство в качестве офицеров побывало за границей. Там таких царских

[1]) В. Зоф. „Из истории флота прошлого и настоящего“ предисловие ко второму изданию.

Адмирал Сенявин.

черносотенных порядков, как в России, уже не было. Не было крепостного права. Во Франции в то время власть помещиков (феодалов) была свергнута промышленниками и торговцами. (Революцию совершили ремесленники и крестьяне, но жар-то загребли их руки тогда для других, а не для себя).

Повидав чужие страны, русское офицерство (сплошь дворяне) стало образованнее и либеральнее, а вернувшись домой, оно попало под власть грубейшего держиморды Аракчеева, который ввел каторжную военную муштру, и всех гнул в бараний рог. Офицерство во главе с Пестелем и князем Трубецким организовало тайный заговор против тогдашнего царя Николая I. Заговорщиков охотно поддерживали хозяева фабрик и заводов. Промышленникам мешало крепостное право: оно не давало на фабрики и заводы свободных рабочих. Заговорщики должны были расчистить дорогу промышленному капитализму.

Восстание произошло в двух местах: 27-го декабря 1825 г. в Петербурге и 12-го января 1826 г. на юге России.

Военные моряки в этом восстании принимали очень большое участие. Когда тайным „Северным Обществом" в 1824 году намечались кандидаты в новое правительство, то были намечены и два моряка: адмиралы Мордвинов и Сенявин.

В самом восстании участвовали матросы 2-го, 7-го, 28-го и гвардейского экипажей.

Восстание было быстро подавлено царем, потому что оно не опиралось на широкие массы трудящихся.

При подавлении восстания огромное количество матросов было потоплено в прорубях Невы; четверо из матросов приговорены к бессрочной каторге и 15 человет искалечено.

Из командного состава было осуждено 15 человек: лейтенанты Арбузов и Завалишин и мичман Дивов судом приговорены к смертной казни, но царь Николай „смилостивился", заменив казнь вечными каторжными работами; капитан-лейтенант Бестужев 1-й Николай получил вечную каторжную работу, кап.-лейт. Торсон—20-тилетнюю каторгу мичманы Беляев первый и Беляев второй—сосланы в каторгу на 12 лет; лейтенант Кюхельбекер 8 лет каторги; мичман Бодиско 2-й приговорен к крепостной работе на 10 лет; лейтенант Чижов сослан в Сибирь на поселение; лейтенанты Бодиско 1-й, Вишневский, Мусин-Пушкин, Акулов, мичман П. Бестужев списаны в матросы.

Декабрист Завалишин.

Все они почти год промучились в сырых казематах Петроградской Петропавловской крепости. Прежде чем отправить преступников в Сибирь, над ними, согласно повелению царя, по распоряжению тогдашнего начальника Морского Штаба вице-адмирала Моллера 2-го, было совершено унизительное, издевательское разжалование „по обрядам морской службы". Все осужденные были отправлены из крепости на адмиральский корабль „Князь Владимир" — „в мундирах, с эполетами,

и чтобы сабли, им принадлежащие, были посланы с офицером". Адмиралу Крону предписывалось: „Завтра (т.-е. 13 июля 1826 г.) во вторник, когда с эскадры видно будет, что приближается к оной шхуна „Опыт" с пароходом, тогда на адмиральском корабле „Князь Владимир" поднять на крейстеньге, при пушечном выстреле, черный флаг, по поднятии которого тотчас имеют с'езжаться на корабль с каждого военного судна, на Кронштадтском рейде расположенного, по одному старшему по команде офицеру, по одному лейтенанту и мичману и особо по одному гребному судну. По вводе преступников на корабль, тотчас прочесть им, через кого следует, в присутствии всего экипажа корабля и тех, которые сигналом призовутся, сентенцию (приговор,—С. В.) верховного Уголовного суда, потом над головами преступников сломать их шпаги (подпилив прежде), сорвать с мундиров эполеты, также и самые мундиры, и все сие бросить за борт в воду".

Декабрист Николай Бестужев I.

III.

Моряки — народники.

После декабрьского восстания 1825 г. наступила черная полоса „николаевщины". Для борьбы с малейшими попытками изменить государственные порядки, царь завел так называемое „III отде-

ление канцелярии его величества". По-просту это тайная полиция (охранка) против всяких революционеров. Везде были заведены этой охранкой шпионы и провокаторы. Для охраны „внутреннего порядка", кроме полиции, были введены жандармы, конные и пешие. Вся Россия была превращена в огромную тюрьму под смертельным саваном произвола и насилия помещичьего правительства.

Однако, даже и в это черное время во флоте было неспокойно. Через год после декабрьского восстания в Петербурге — был бунт на корабле „Азов"; в 1827 г. взбунтовались матросы на корабле „Александр Невский" и на бриге „Усердие"; в 1829 г. — на шлюпе „Моллер"; в 1831 г. были бунты на кораблях „Севастополь" и „Архангельск".

Правительство „первого помещика в России" (так называл себя сам царь Николай I Палкин) душило беспощадно все эти „бунты", но оно не могло остановить на мертвой точке всего хозяйства. Жизнь брала свое.

Во время восстания декабристов, в России было 170 металлургических заводов и фабрик; работало на них $22^1/_2$ тысячи рабочих. Через 25 лет было уже 299 металлургических заводов и фабрик, рабочих на них было $88^1/_2$ тысяч, т.-е. возросло почти в четыре раза. Так же сильно двинулась промышленность в текстильном деле (производство ситцев и материй) [1])

Помещики стали еще сильнее прежнего нажимать на своих крепостных крестьян, чтобы выжать с них больше оброков (податей) на покупку разных товаров. Из-за этого крестьянство начало быстро разоряться.

---

[1]) Это написано в книге М. И. Покровского «Очерки революц. движения в России 19 и 20 веков», стр. 47.

Николай Палкин затеял Крымскую войну (1854—855 гг.). Царю хотелось пробить дорогу в Турцию для сбыта туда товаров, — этого требовало купечество.

Но эта-то война и обнажила до-гола негодность тогдашних русских порядков. Война была проиграна с позором. Расходы на нее были громны. Чтобы пополнить их, правительство и помещики начали драть с крестьян три шкуры. Мужикам стало невтерпеж. Начались повсеместные крестьянские бунты против помещиков. Промышленники тоже были недовольны крепостным правом: на фабрики и заводы нужны были „вольные" рабочие руки.

Сменивший Николая Палкина его сын Александр II под напором крестьянских бунтов издал в 1861 г. манифест об „освобождении крестьян" от крепостного права. На самом деле крестьяне освободились только от земли: у них отобрали четвертую часть.

Зато были развязаны руки промышленникам и купечеству. Крепостнические порядки были надломлены. Начал развертываться полный капитализм. А вместе с ним появилась интеллигенция: инженеры, техники, врачи, учителя, ученые, судьи.

Крестьяне, когда они на практике расчухали свое „освобождение", опять начали бунтовать. Чтобы „водворить порядок", царь Александр II немного ослабил вожжи. Появилась не надолго какая-какая „свобода": появились либеральные газеты, книги. Интеллигенция, пользуясь отдушинами этой „свободы", развернулась шире. Благодаря своей образованности, интеллигенция скорее других увидала, что на деле крепостные порядки „освобождением" крестьян в 1861 г. не уничтожены и что капиталистические порядки не улучшают, а ухудшают положение большинства русского народа, главным образом — крестьянства.

(Рабочие тогда себя еще не проявляли, их было мало, никакой организации у них не было, — интеллигенция, поэтому, не обращала на рабочих внимания).

Что же делать?

Тогдашняя интеллигенция думала, что для введения социализма нужно оттереть окончательно от земли помещиков, всю землю сделать народной и что, дескать, тогда крестьяне станут жить вольными общинами, — вот и социализм. Поднялась волна так называемого народничества. Интеллигенция пошла „в народ"—к крестьянам, чтобы проповедывать этот русский социализм и чтобы поднимать крестьян против помещиков.

На деле оказалось, что для освобождения крестьянской общины необходимо свержение и всего царского правительства, которое как раз больше всего защищало помещиков.

Первыми революционными ласточками во флоте этого времени были морской юнкер 28 (23) флотского экипажа Владимир Трувеллер и гардемарин Дьяконов.

Трувеллер плавал на фрегате „Олег". Возвращаясь из кругосветного плавания, в мае 1862 г., „Олег" остановился на некоторое время в Портсмуте (в Англии).

В это время в Лондоне жил один из первых русских революционеров Герцен, организовавший там вольную типографию и издававший революционный тогда журнал „Колокол".

Трувеллер воспользовался стоянкой своего корабля, чтобы побывать у Герцена. От него Трувеллер вернулся с кипой прокламаций: „Что надо делать войску", „Что нужно помещикам", „Что нужно духовенству", „Что нужно народу" и еще заказал, чтобы ему переслали прокламаций посылкою, а также заказал потом в Гамбурге в слово-

литне, чтобы ему приготовили русские шрифта для вольной типографии в России.

Об этом донес по начальству лекарский помощник Вас. Евдокимов. Трувеллера мучили под судом почти два года. Сперва назначили 4 года каторги, потом увеличили этот срок до 10, потом 14 января 1864 г., царь Александр II „смилостивился" и определил окончательное наказание в 3 года каторжных работ. Правда, в том же году „по монаршей милости" каторга была заменена ссылкою в Сибирь на поселение. Трувеллеру был 21 год; до поступления во флот он учился в петербургском университете.

Дьяконов плавал на „Олеге" гардемарином. Во время повального обыска (по доносу Василия Евдокимова) у него нашли журналы „Колокол", „Будущность" и по несколько экземпляров прокламаций: „Что нужно народу" и „К русским, польским и всем славянским друзьям" (сочинение анархиста Бакунина). Дьяконову было 20 лет, учился в морском корпусе. Когда привлекли к суду, Дьяконов во всем сознался и попросил прощения. Что с ним сделало правительство,—неизвестно.

Чтобы шире развернуть пропаганду, вожаки революционной интеллигенции стремились всячески привлечь на свою сторону студенчество; этим путем можно было создать огромное количество пропагандистов и агитаторов.

И опять из военных на это дело первыми откликнулись воспитанники тогдашнего Морского училища.

Знакомство их с революционерами началось в 1871 году. Осенью этого года 16 человек из воспитанников Морского училища вошли членами в тайное революционное общество, которое ставило своею целью „ниспровержение правительства и существующего порядка для того, чтобы освободить народ от угнетения, устроить лучшие по-

рядки в России и вывести народ из его тяжелого и бедственного положения".

Наибоее деятельными членами были Н. Е. СуханоВ. влЛуцкий, Э. Серебряков, Паскевич; известны также фамилии—Кулеш, Уклонский, Лутошин, Воейков, Добровольский, Чариков, Юрковский. В 1871 году все это была зеленая молодежь 15—17 лет.

Н. Е. Суханов—член партии „Народной Воли". Расстрелян в Кронштадте 19 марта 1882 г.

Царское правительство очень скоро пронюхало об этом обществе", но молодежь уцелела, благодаря заступничеству тогдашнего морского министра Краббе, который и помыслить не мог, чтобы в Морское училище могли проникнуть революционные идеи и который ни за что не хотел, чтобы его морское ведомство было „запачкано". Дело было замято...

Однако, моряки все же потеряли после него на некоторое время связь с революционерами.

Через семь лет, зимою 1878 года, вновь в Кронштадте организуются революционные кружки из морских офицеров и гардемарин—во главе с мичманом Дружининым.

В это же время организуется из народников для борьбы с царским правительством сильная

политическая партия под названием „Народная Воля". Главным средством борьбы эта партия избирает террор—убийство членов правительства.

Кружок из морских офицеров решил вступить в эту партию, но надлежащей активности не проявил.

Дело в том, что в 1879 году партия „Народной Воли" постановила, во что бы то ни стало, убить и самого царя Александра II.

Пока вопрос шел о правительстве, морские офицеры охотно соглашались на его свержение. Но как только дело коснулось самого царя, они попятились. Тогдашнее морское офицерство набиралось из самого родовитого дворянства; это были сливки военной аристократии; они были связаны через своих отцов и родственников прямо с самим царем — и „особа монарха" для них была священна и неприкосновенна.

Эспер Серебряков.
(Будучи воспитанником морского корпуса, вступил в Общество „Земля и Воля".

Большинство морского офицерства, участвовавшего в революционных кружках, с этого времени порывает связи с революционерами.

Тем больше чести тем, которые остались на революционных постах. Такими были: лейтенант Н. Е. Суханов, Штромберг, лейтенант Буцевич. мичман Завалишин, Ювачев и Бубнов.

Самым деятельным народовольцем был Суханов. Он, вместе с другим революционером, Кибальчичем,

приготовил бомбы, которыми 1 марта 1881 года был убит Александр II.

После цареубийства, вместо того, чтобы скрыться, Суханов начал работать за десятерых, пришлось даже сдерживать его порывы, но он отвечал:

— Нет, год, два поработать изо всех сил, а потом—конец.

Член партии „Народной Воли" Штромберг. Расстрелян 10 октября 1884 г.

Но ему не пришлось поработать и двух лет. 28 апреля 1881 года он был арестован. На суде Суханов сказал:

„Я сознаю участь, которая ждет меня, и не ожидаю, и не могу, и не должен ожидать никакой для себя пощады. Всякий, зная лишь тот один факт, с внешней его стороны, что офицер флота, присягавший императору, делается виновным в таких преступлениях, всякий, говорю я, скажет, что этот человек—человек бесчестный, позабывший совесть и долг.

Вот я и хотел выяснить перед вами, господа, поводы, которые привели меня к тому, чтобы сделаться преступником против существующего порядка и поставить любовь к родине, свободе и народу выше всего остального, выше даже моих нравственных обязательств.

Всем честным людям, видящим, как грабят народ, как его эксплуатируют и как печать молчания наложена на уста всем, хотящим сделать что-нибудь полезное для блага родины, всем было тяжело. И такое тяжелое положение могло длиться долгие годы. Убивались тысячи интеллигентных

людей, народ пухнул от голода, а, между тем, в правительственных сферах только и раздавалась казенная фраза: „Все обстоит благополучно".

Небольшая клика губернаторов, жандармов и всевозможного рода казнокрадов развратничала, пировала и губила государство. И я принес свои знания на пользу террористической партии, в успешной деятельности которой я видел залог обновления государства".

Николай Евгеньевич Суханов расстрелян в Кронштадте 19 марта 1882 года.

Вторым активным революционером из моряков-народовольцев был лейтенант Штромберг. В 1880 году он вместе с Сухановым организовал Кронштадтский морской кружок партии „Народной Воли". Расстрелян в Шлиссельбургской крепости 10 октября 1884 года.

Лейтенант Буцевич в 1881 году организовал революционные кружки в Одессе и Николаеве. 18 апреля 1883 года Буцевич был приговорен к повешению, но потом казнь была заменена бессрочной каторгой. Умер в Шлиссельбургской крепости.

Прапорщик Ювачев (корпуса флотских штурманов) организовал в 1882 году морской революционный кружок в Одессе. Ювачев был сыном придворного полотера, в 1878 г. он служил в 3 флотском экипаже Балтийского флота, потом был переведен в Черноморский флот. Кроме Ювачева, в Одесский кружок в 1882 году входили мичмана Толмачев, Афанасьев, Бубнов и лейтенант Янушевский.

24 сентября 1884 года Ювачев был приговорен к смертной казни, но потом он подал прошение царю—и казнь была заменена ссылкою на 15 лет в каторжные работы.

В этот же период революционной борьбы с царским самодержавием впервые сознательно выступили рядовые матросы. Это были т. т. Федоров, Потихонин и Вальтерсдорф.

После цареубийства 1 марта 1881 г. в революционном движении наступило на некоторое время затишье. Все было задавлено. Усилена царская жандармерия. Введены земские начальники. Среди морского офицерства была проведена основательная „чистка". Весь неблагонадежный для правительства элемент либо был уволен, либо поставлен под тройной надзор. Замерло революционное движение и среди морского офицерства.

Зато вскоре выступили массы рядовых матросов.

IV.

Революция 1905 г.

Царское правительство разгромило партию „Народной Воли". Но оно не могло остановить развития капитализма, которому „освобождение" крестьян в 1861 г. расчистило широкую дорогу.

А вместе с капитализмом наростал революционный рабочий класс, — пролетариат. К 1900 году число рабочих только на крупных фабриках и заводах дошло до 3-х миллионов человек.

Рабочих били в два кнута: прижимали всячески хозяева и гнуло в бараний рог царское правительство.

В 1897 г. по всем большим городам, и сильнее всего в Петербурге, поднялась первая могучая волна рабочих забастовок против фабрикантов и заводчиков. Через год после этого—в 1898 году начала организоваться революционная Российская рабочая социал - демократическая партия (Р.С.-

Д.Р.П.), из которой потом развернулась теперешняя Российская Коммунистическая партия большевиков.

Р.С.-Д.Р. партия начала об'единять всех передовых рабочих для борьбы против царского правительства, а потом и против капиталистов.

В 1902 г. поднялись крестьянские бунты против помещиков в Полтавской, Харьковской и Черниговской губерниях. Для крестьян стали невыносимы высокие арендные цены на землю и тяжелые налоги.

Через год после крестьянских бунтов прошла всеобщая рабочая забастовка по всем городам около Черного моря, на юге России. Почти все рабочие становились революционерами.

Во флот, как и раньше, набирались новобранцы, главным образом, из рабочих. Ясно, что рабочие приносили с собой на флот и свою революционность.

Служба на флоте не только не уменьшала, а усиливала эту революционность. Начальство смотрело на матросов, как на „серую скотину", и не ставило ни во что. Деньги, которые должны были итти на пищу, на обмундирование и на поддержание чистоты матросов, — офицерством раскрадывались. „Учили" матросов зуботычинами, бранью, кулаками, оскорблениями. А те морские офицеры, которые по своей „высокой аристократичности" не хотели „пачкать" своих белых рук о матросское лицо, во всем показывали, что „нижние чины" (тогда весь некомсостав назывался нижними чинами)—это все равно, что рабы. Матросам запрещено было на улицах и в общественных местах ходить с женщинами под руку, нельзя было класть руки в карманы, нельзя ездить в вагонах I и II классов, нельзя ездить в трамвае внутри вагона (можно только стоя на площадке). Запрещалось посещать клубы, лекции, общественные собрания и т. п.

Понятно, что от таких порядков в матросской массе все больше и сильнее накоплялся гнев против своего начальства и против всего царского правительства. Уже в 1901—1903 годах в Кронштадте, где всегда было много матросов, началась подготовка к революции [1]).

Одним из главных агитаторов в Кронштадте в эти годы был квартирмейстер Вонифатий Заплаткин.

Условия для агитации были очень благоприятны. Офицеры никогда не заходили вечером в каюты, фельдфебели уходили домой. А оставшиеся „за старших“ часто сами участвовали в революционных заговорах. Особенно большие революционные кружки образовались в минном и артиллерийском отрядах. Здесь почти открыто между командами ходила по рукам революционная литература.

Ближайшим товарищем Заплаткина по революционной работе был Степан Николаевич Синельников.

Одновременно с кружком Заплаткина в Кронштадте возник самостоятельно такой же кружок около артиллерийских квартирмейстеров Шубникова и Новикова.

Вскоре участники обоих кружков взаимно познакомились, в Питере, в воскресной школе Дома Трудолюбия, где студент Герасимов вел беседы-лекции и снабжал тайно своих слушателей революционной литературой.

Особенно широко революционная работа пошла в Кронштадте после появления там в апреле 1903 г. новобранца Погребницкого. Он стал чрезвычайно энергично распространять револю-

---

[1]) К сожалению, очень много материалов (все судебные дела) по революц. движ. этого времени сгорело во время пожара Судебной Палаты в Петрограде. Другие материалы еще не собраны.

ционную литературу—книги, газеты и листовки—и вскоре приступил к организации правильной революционной ячейки. Первая сходка моряков-революционеров под руководством Погребницкого состоялась в Кронштадте 13 апреля 1903 г. Погребницкий говорил о скором наступлении в России большой революции:

— Когда начнется бунт,—говорил он,—необходимо захватить все пристани и пароходы, а затем плыть в Петербург, где нас встретят тоже взбунтовавшиеся матросы и рабочие. Соединившись с ними под красными знаменами, мы пройдем мимо синода и дворца и об'явим республику. Полиция помешать нам не может, так как ее мало, сравнительно с нами, она будет бессильна, если ее не поддержат солдаты.

Вторая сходка состоялась 6 мая. На эту сходку прибыли агитаторы социал-демократы из Питера,—и вся дальнейшая революционная работа в Кронштадте пошла определенно под руководством социал-демократической партии (тогда еще не разделявшейся резко на большевиков и меньшевиков).

До этого времени революционное движение среди матросов было очень неопределенным по своим целям. Оно держалось на голом гневе против тяжелых порядков во флоте и всей России. Хотелось просто бунтовать, потому что невтерпеж было жить по старому. А что выйдет из этого бунта—ясно не сознавалось. Теперь же, благодаря партийному руководству со стороны социал-демократов, цель была четко намечена:

— Свергнуть самодержавие, установить республику, чтобы расчистить дорогу для борьбы за социализм, за свержение власти капиталистов, за уничтожение частной собственности на землю, фабрики и заводы.

Конечно, эта сложная, огромная задача и теперь понималась не всеми, но вожаки, как Погребницкий, понимали ее отлично...

Революционный взрыв ускорился, благодаря войне с Японией. Царское правительство этой войной хотело убить зараз двух зайцев: открыть для капиталистов возможность сбывать свои товары в Японию, Китай и Корею и отвлечь внимание рабочих и крестьян от внутренних неурядиц.

Но оно жестоко ошиблось.

Как Крымская война обнажила язвы крепостничества, так и война с Японией до гола открыла все гнойники царского самодержавия.

Тяжести войны прежде всего и больше всего легли, конечно, на плечи рабочих и крестьян. Но вскоре ополчилась против правительства и часть буржуазии. На фронте с первых же месяцев начались поражения русских войск. Промышленники увидели, что царское правительство неспособно пробить дорогу их товарам на Дальний Восток.

Огненным гневом закипел пролетариат, скрежетало зубами крестьянство, злобствовала часть буржуазии.

Революция надвигалась неумолимо.

Военный флот и на этот раз оказался застрельщиком.

Первый сигнал дали Черноморские матросы. Начальство Севастопольского экипажа запретило матросам 16 ноября 1904 года выход в город, так как в городе ожидалась демонстрация рабочих. В ответ на это запрещение матросы произвели погром офицерских квартир, своих казарм и помещения военно-морского суда. 35 матросов попало под суд: часть попала на каторгу, другая в тюрьму.

Потом при отправке части матросов в Ревель и Кронштадт (в эскадру Рожественского для Дальнего Востока), произошла огромная демонстрация против отправки. Прибыв в Кронштадт,

черноморцы забастовали; большую часть их пришлось вернуть в Севастополь. — Это событие укрепило в матросах уверенность в своих силах.

22 января в Петербурге были расстреляны у Зимнего Дворца массы рабочих, пришедших к царю под предводительством попа - провокатора Гапона „просить“ улучшения своей жизни. Этим расстрелом царь окончательно убил веру в себя даже в темных массах. Это событие дало всем революционным партиям великолепный материал для агитации против самодержавия.

Началась агитация и среди войск.

И опять первыми буревестниками явились матросы,—и опять в Черноморском флоте.

После „немого бунта“ в 1904 г., режим во всех флотских казармах был введен в полном об‘еме каторжный. За матросами была учреждена поголовная слежка. Главным командиром всего Черноморского флота был назначен адмирал Чухнин, ярый, непреклонный, грубый монархист-черносотенник; за всякое проявление революционного духа он готов был кожу содрать.

В старом морском ведомстве создалась наследственная группа специально морского дворянства. Эта группа росла количественно быстрее, чем шло расширение флота. Поэтому еще задолго до войны с Японией получился излишек морских офицеров. Было время, когда на каждых трех матросов приходился один офицерский чин. Такое обилие офицерства вело к тому, что каждый офицер плавал на корабле очень мало. Большинство служило на берегу, проводя время в кутежах. Русско-японская война взяла почти всех подолгу плававших опытных офицеров. В половине 1905 года большинство судового офицерства в Черноморском флоте было из береговых гуляк. Это офицерство не знало и не могло знать матросов в их работе; никакой общности, даже самой слабой связи между ком-

составом и командами не было. Дисциплину можно было, поэтому, поддерживать только голым насилием, палкой. Это, конечно, озлобляло матросов до белого каления.

В Севастополе с давних времен нарастали около города матросские слободки. В них жили семьи матросов. Кроме официально женатых моряков, много было так называемых „полуженатых" не венчанных в церкви. Эти полуженатые по обычаю пользовались совершенно такими же льготами, как и женатые. Все они после занятий имели право ежедневно с'езжать на берег.

Чухнин запретил полуженатым с'езжать на берег к своим семьям. Затем было запрещено оставаться на берегу до-поздна, было запрещено матросам появляться на главных улицах города, посещать портовые трактиры и чайные. Словом все матросы оказались как бы арестованными.

А на Дальнем Востоке флот, отряд за отрядом погибал. Погибла Порт-Артурская эскадра, погибла огромная эскадра при Цусиме. Большинство адмиралов показало в войне полную свою негодность.

Черноморские матросы стали подобны пороху. Достаточно было крохотной искры, чтобы поднялось пламя революционного пожара.

Оформить недовольство помогали агитаторы революционных партий, которые работали в Черноморском флоте с 1903 г. До 1905 года партийных матросов были единицы. После питерского „9 января" партийная работа во флоте быстро развернулась. Работали эс-эры. Работал „Крымский социал-демократический союз", в который входили большевики и меньшевики. Вскоре перевес взяли социал-демократы.

В Севастопольской социал-демократической организации в 1905 году работали почти только меньшевики и при том в большинстве интеллигенты: Ив. Вороницын, Ник. Конторович, Ин

Смидович („Нина"), Наташа Вольская, Генриэтта Мешман („Ольга"), Пятин, П. Мойшев, Дергачев.

В работе среди матросов эта организация опиралась на небольшую, но энергичную группу, во главе которой стоял машинист А. Волошин („тов. Дмитрий"), — свою революционную выучку он получил на Сормовском заводе.

Был организован Центральный Комитет матросов из представителей революционеров со всех судов.

С начала ноября 1904 г. до конца марта 1905 г. в Севастополе состоялось 11 тайных революционных собраний матросов — в лесу, около Малахова Кургана. 20 марта 1905 г. на собрании из 194 человек была принята следующая резолюция:

„Мы, матросы Черноморского флота, присоединяем свой голос к голосу русских рабочих, представленных их передовым отрядом, русской социал-демократической рабочей партией, и требуем отмены самодержавного режима и замены его демократической республикой. Мы убеждены, что только созыв учредительного собрания, на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права с тайной подачей голосов, может утвердить самодержавие народа. Мы знаем, что правительство предприняло войну, имея в виду личные интересы. Вот почему, мы требуем ее немедленного прекращения. Присоединяя свой голос к голосу России, пробудившейся к политической жизни, мы уверены, что нашему примеру, примеру протеста Черноморского флота, последует вся русская армия. Самодержавие должно, наконец, знать, что последняя его опора рушится. Наше освобождение близко, и мы зовем в наши ряды, в ряды нашей партии, всех, кого преследует и давит самодержавие. Борьба наша не прекратится до тех пор, пока человечество не освободится от эксплуатации капиталистов - пауков. Мы боремся за социализм.

Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!"

Эта резолюция показывает, что матросы уже отлично поняли, что нужно. На другой же день к этой резолюции присоединили свои голоса еще 150 матросов.

С каждым днем чувствовалось, что назревает настоящее восстание. Весной 1905 г. „Матросская Централка" (т.-е. Центральный Комитет матросов-революционеров) начала всерьез разрабатывать план восстания.

В конце мая в Севастополе было получено известие о казни 40 матросов в эскадре Небогатова у Шанхая на Дальнем Востоке. Это переполнило чашу терпения. Всюду матросы начали почти открыто говорить:

„Если умирать, так будем умирать не от рук наших драконов (так называли они за-глаза своих начальников-офицеров) или японцев, а пожертвуем жизнью за освобождение России".

„Централкой", по соглашению с Севастопольским Комитетом социал-демократической партии, восстание было намечено в конце больших маневров. Начать восстание должен был броненосец „Екатерина II".

Однако,—„не так склалось, как желалось".

Восстание вспыхнуло и раньше и не на „Екатерине II".

Восстание на «Потемкине».

„Князь Потемкин Таврический" был лучшим броненосцем во всем Черноморском флоте. Его 305-миллиметровые пушки могли давать 6 выстрелов в минуту.

Броненосец «Потемкин».

На броненосце было небольшое (человек 100), но сплоченное ядро преданных революционному делу старых матросов. Почти половина остальной команды состояла из матросов первогодков. Другая половина—из призывов тоже последних годов. Офицерская муштра еще не успела в этом молодняке воспитать слепое подчинение начальству.

25 июня днем „Потемкин" вышел из Севастополя для пробной артиллерийской стрельбы. 26 июня утром броненосец подходил к острову Тендер (около Одессы). Вечером, в 10 ч., привезли из Одессы с'естные припасы. Матросы, привезшие провизию, рассказали, что в Одессе — всеобщая забастовка рабочих. Утром 27 июня при уборке палубы один из матросов заметил, что привезенное вчера мясо кишит червями.

— В Японии даже пленных кормят лучше, чем нас,—сказал кто-то.

С этого и началось. Быстро образовалась большая сходка.

Когда был готов обед, команда отказалась есть суп с гнилым мясом. Матросов выстроили на юте (на кормовой палубе). Появился командир Голиков и начал угрожать.

— За это вашего брата вон там вешают,—сказал он и показал на одну из мачт.

— Ешь сам, дракон!—крикнул кто-то.

Командир отдал приказ вызвать караул. В это время матросы во главе с Матюшенко бросились к орудийной башне. Старший офицер Гиляровский приказал не трогаться с места, но на месте уже оставалось всего 20—30 человек. Появился вооруженный караул из 27 матросов.

— Окружите их!—приказал Гиляровский, указывая на кучку матросов, не успевших перебежать к орудийной башне.

Затем Гиляровский приказал принести брезент. (Надо знать, что на военных судах брезентом по-

крывали в те годы приговоренных к смертной казни). Из кучки, которую окружал караул, послышался отчаянный крик:

— Братья, отчего вы нас покидаете!..

Это кричал матрос Вакулинчук.

Тов. Матюшенко
(в середине в белом).

Палуба закипела. Отбежавшие к орудийной башне закричали:

— Они хотят их расстрелять... Не допустим. Довольно терпеть!

Гиляровский приказал караулу стрелять. Ни звука.—Караул не стреляет.

А Вакулинчук призывал в то же время своих соседей к оружию.

Гиляровский подбежал к нему:

— Ты тоже не хочешь супа?!

— Разве можно есть такую гадость!

— Стрелять!—опять скомандовал Гиляровский караулу.

Караул стоял, не поднимая винтовок. Гиляровский заметался, как зверь. Вырвал винтовку у одного из матросов караула, но тот вырвал ее обратно. Потом офицер несколько раз хватался за свой револьверный кобур; наконец, ему удается вырвать винтовку у одного из молодых матросов, и с нею Гиляровский гонится за Вакулинчуком. В это время в орудийной башне матросы уже разобрали из пирамид винтовки. Матрос Матюшенко уже с ружьем охраняет вход в центральную батарею: ждет патронов. Из башни выбегает Вакулинчук и приканчивает артиллерийского офицера Неупокоева. Офицера тотчас бросили за борт.

Гиляровский догнал Вакулинчука за башней. Выстрелил. Пуля угодила прямо в грудь. Вакулинчук пытается вырвать у него винтовку, но силы покидают. Он падает. Но еще жив. Не желая получить вторую пулю от „дракона", он, истекая кровью, ползет к борту—и в воду.

Матрос Волобуев быстро вытащил своего товарища, уже мертвого, снова на корабль.

В тот момент, когда Гиляровский, выстреливши в Вакулинчука, начал снова заряжать винтовку, к нему подоспел Матюшенко; выстрелил, но—промах; промахнулся и Гиляровский. Матюшенко снова успел зарядить,—выстрелил—и на этот раз Гиляровский свалился. Но и перед смертью он грозил:

— Я тебя знаю, каналья. Ты убежишь на берег, но я тебя найду.

— Не успеешь, дракон,—заметил Матюшенко.—Я отправлю тебя юнгой к Макарову [1]).

---

[1]) Адмирал Макаров погиб на броненосце „Петропавловск" у Порт-Артура.

Гиляровского выбросили за борт.

По кораблю неслось:

— К оружию! Долой драконов! Долой тиранов! Да здравствует свобода! Довольно терпения!

Через несколько минут броненосец был в руках восставших. 47-ми-миллиметровая пушка гремела по миноносцу 267, который сопровождал „Потемкина", но, увидев восстание, хотел было уйти в Севастополь с донесением. Вскоре миноносец был под командой „Потемкина".

В 16 час. (4 часа пополудни) матросы сами приняли команду над различными частями броненосца.

В Комиссию были выбраны „нижние чины": Афанасий Матюшенко, Степан Денисенко, Иосиф Дымченко, Кулик, Тимофей Скребнев, Лычев, Никишкин, Волобуев, Михайлов, Фишков, Зиновьев, Циркунов, Макаров, Головко, Костенко и еще двое, фамилии которых еще неизвестны.

В качестве „спецов" назначили командиром крейсера прапорщика Алексеева и старшим офицером—боцмана Мурзака.

На деле Комиссия самостоятельно не принимала никаких решений, а всегда советовалась со всей командой. На заседаниях Комиссии всегда участвовал весь актив корабля—человек 100—200.

Под красным флагом „Потемкин" пошел в Одессу и прибыл туда поздно вечером 27 июня.

Это был первый случай вооруженного восстания матросских масс во всей истории революционного движения в России.

В Одессе на броненосец явились большевик „Кирилл" (Кирилл Николаевич Орлов) и социал-демократ Фельдман, которые потом и остались на крейсере в качестве активнейших работников.

Здесь же добровольно остались с восставшей командой офицер-механик Александр Коваленко

и доктор Голенко; первый остался верен матросам до конца, второй—изменил.

В Одессе потемкинцы выпустили прокламацию:

„Просим немедленно всех казаков и армию положить оружие и соединиться всем под одну крышу, на борьбу за свободу; пришел последний час нашего страдания,—долой самодержавие!

У нас уже свобода, мы уже действуем самостоятельно, без начальства. Начальство истреблено. Если будет сопротивление против нас, просим мирных жителей выбраться из города. При сопротивлении, город будет разрушен".

Вся Черноморская эскадра была направлена Чухниным против „Потемкина", но броненосец-революционер устоял. К нему из эскадры примкнул „Георгий Победоносец". Поддержало его учебное судно „Прут".

„Потемкин" ходил в Румынию и там выпустил свое историческое воззвание:

„Ко всему цивилизованному миру".

„Граждане всех стран и всех народов. Перед вашими глазами проходит грандиозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русский народ не вынес векового гнета и своеволия деспотического самодержавия.

Разорение, нищета и бесправие, до которого русское правительство довело многострадальную Россию, переполнили чашу терпения трудящихся масс. По всем городам и селам вспыхнул уже пожар народного возмущения и негодования. Могучий крик многомиллионной русской груди—долой рабские цепи деспотизма и да здравствует свобода!—как гром раскатился по всей необ'ятной России.

Но царское правительство решило, что лучше утопить страну в народной крови, чем дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная кровь самоотверженных борцов полилась целыми потоками по всей родине".

Помимо того, что в этом воззвании кратко, но ярко нарисована вся картина, на фоне которой развернулось революционное движение, оно указывает на одну из характерных черт всего революционного движения военных моряков — на их интернационализм. Потемкинцы думают не о себе только, и не только о России, — они бросают свой революционный призыв трудящимся всех стран.

„Георгий Победоносец" изменил „Потемкину". Черноморская эскадра не поддержала. Запас угля был израсходован. Нового запаса нигде взять не удалось. И революционер-буревестник вынужден был сдаться в Румынии 8 июля 1905 г. Матросы рассеялись по румынским городам.

Матюшенко потом вернулся в Россию, был пойман и повешен. Очевидец казни рассказывает, что тов. Матюшенко во время казни держался „удивительно спокойно". „Приговор ему читали долго, больше часу. Перечисляли все его преступления, чуть ли не против всех статей уголовного и военного кодекса. А он стоит, не дрогнет. Только по временам сплюнет в сторону. Подошел священник. Он его слегка отстранил рукой и пошел твердо и легко к виселице, так что еле палач поспевал... Потом видно было, как большая тень повешенного качнулась на стене".

За попытку к восстанию на „Георгии Победоносце" трое расстреляно, 19 человек сослано в каторгу и 33 в арестантские роты.

Ноябрьское восстание.

К концу октября 1905 г. по всей России развернулась всеобщая забастовка рабочих.

Эта забастовка вырвала 30-го октября 1905 г. у Николая Кровавого манифест о свободах. На-

терпевшемуся веками народу казалось, что наступила совершенно новая жизнь. Плакали от радости, целовали друг друга.

Но не долго была радость. И не даром вскоре начали говорить: „этот манифест—мертвым свобода живым под арест.“ В день получения „манифеста“ в Севастополе, 31-го октября, там полицией были убиты солдат, матрос, 2 рабочих и 2 женщины. 2-го ноября их хоронили без попов. Собрался многотысячный митинг солдат, матросов, рабочих около могил первых жертв революции в Севастополе.

На этом митинге всеобщее внимание приковал к себе лейтенант Петр Петрович Шмидт,—единственный из всего морского офицерства, который открыто принял активное участие в революции 1905 г. на стороне трудящихся. Шмидт выступил с огненной речью, заканчивая которую, сказал:

— „Здесь, у этих могил, поклянемся в том, что все силы свои, всю свою отныне свободную общественную работу отдадим на благо рабочего люда и отныне между нами не будет ни еврея, ни армянина, ни поляка, ни татарина, а все мы будем равные, свободные братья, дети великой, свободной России. Клянитесь!“

И все поклялись, как один человек.

Шмидт был арестован. Чухнин издал строжайший приказ, запрещающий всякое участие солдат и матросов в митингах.

На несколько дней движение попритихло,—с тем, чтобы потом разом развернуться в настоящее восстание.

8-го ноября вспыхнуло восстание матросов в Кронштадте. Восстание было беспощадно жестоко подавлено. Весть об этом быстро донеслась до Севастополя. Здесь начались многолюдные митинги матросов.

Лейт. Шмидт во время службы в Тихоокеанской эскадре.

11 ноября митинг был собран на Корабельной стороне, между морскими экипажами и казармами Брестского полка. На митинг явилось несколько тысяч портовых рабочих.

Адмирал Чухнин приказал сборной роте из матросов и солдат Брестского полка под командой контр-адмирала Писаревского и капитана Штейна— разогнать „бунтующую сволочь".

Матрос Петров спросил Писаревского:

— А если на митинге будут наши братья, и в них стрелять?

— Разумеется,—ответил Писаревский.

— Ага. Раз так, так вот же тебе, дракон,— Петров с колена первым выстрелом ранил Писаревского, а вторым наповал ухлопал Штейна.

Петрова арестовали.

Толпа загудела:

— Смерть драконам! Восстание, восстание!

Петрова отбили из-под ареста.

По предложению соц.-демокр. Наташи Вольской, тут же избрали временный Совет Депутатов. Но он оказался скоро неработоспособным, — избрали новый. Сами матросы выработали требования об улучшении служебного положения, о передаче земли крестьянам, о 8-ми-часовом дне для рабочих и о немедленном созыве учредительного собрания.

12-го ноября была организована общегородская демонстрация. Арестовали коменданта крепости Николаева и начальника дивизии Седельникова.

Обманным образом командиры Брестского и Белостокского полков увели эти полки из Севастополя на Балаклавскую дорогу.

К матросам прочно примкнули только саперы.

Восставшие в экипажах на берегу матросы послали своих представителей на корабли.

Там черносотенцы распространили слух, что береговых матросов принуждают бунтовать силой.

Береговых депутатов приняли только на крейсере „Очаков".

Очаковцы решили присоединиться к восставшим на берегу и отправили своих представителей к только что освобожденному из-под ареста лейтенанту Шмидту с просьбой взять на себя командование „Очаковым".

Шмидт отказался. Вместе с пришедшими к нему матросами от отправился на заседание Совета

Крейсер «Очаков».

Депутатов, видимо, для того, чтобы об'явить свой отказ. В Совете Депутатов он оказался правее даже меньшевиков. Он сказал:

— Не надо никакого вооруженного восстания: это не только лишне, но и вредно. Единственное средство добиться политической свободы, улучшить положение крестьян, рабочих и матросов с солдатами — это новая всеобщая Всероссийская забастовка. Провести ее может только Союз Союзов. Сделанное севастопольскими матросами большого значения не имеет, надо приостановить начатое здесь и подождать, пока Союз Союзов нажмет из Москвы кнопку, — вся Россия тогда забастует, жизнь на миг замрет, самодержавие окончательно отступит, и тогда требования народа,

в том числе и севастопольских повстанцев, найдут свое осуществление.

Однако, после настойчивых требований матросов с „Очакова“ и убеждений старого партийца Вороницына — Шмидт согласился взять командование восставшей частью флота, и 27-го ноября на „Очакове“ поднял сигнал:

— Командую Черноморским флотом.

К „Очакову“ примкнули не надолго бывш. „Потемкин“ и контр-миноносец „Свирепый“.

По приказанию адмирала Чухнина, — по всем судам-революционерам был открыт орудийный огонь с батарей и кораблей, не примкнувших к восстанию. „Очаков“ загорелся. Шмидт успел перейти на миноносец № 270, где его и арестовали. „Очаков“ горел всю ночь. По тем из его команды, которые бросались за борт, стреляли из пушек и винтовок. На следующий день всплыло 18 трупов.

29-го ноября восставшие матросы—1626 человек—сдались.

Конечно, в итоге—военный суд, конечно, царские палачи жестоко расправились с революционными матросами.

Вожаками восстания, кроме Шмидта, были признаны кондуктор Частник, комендор Антоненко и машинист Гладков. Дело о них, по приказанию военного министра, рассматривалось особо. На суде Шмидт заявил:

„— Я не боюсь умереть, и знаю, что меня ожидает. Но я умру в счастливом сознании, что тот столб, к которому меня привяжете для расстрела, будет пограничным между старой рабской и новой свободной Россией“.

Все четверо 19-го марта 1906 г. расстреляны на острове Березани.

Как держались матросы с „Очакова", которые были сосланы в каторжные работы? Может быть, они „раскаялись" и стали покорными?

Ответом на эти вопросы служит поведение матроса Артамона Лукьяновича Осадчего, приговоренного к 20 годам каторги.

Тов. Частник.

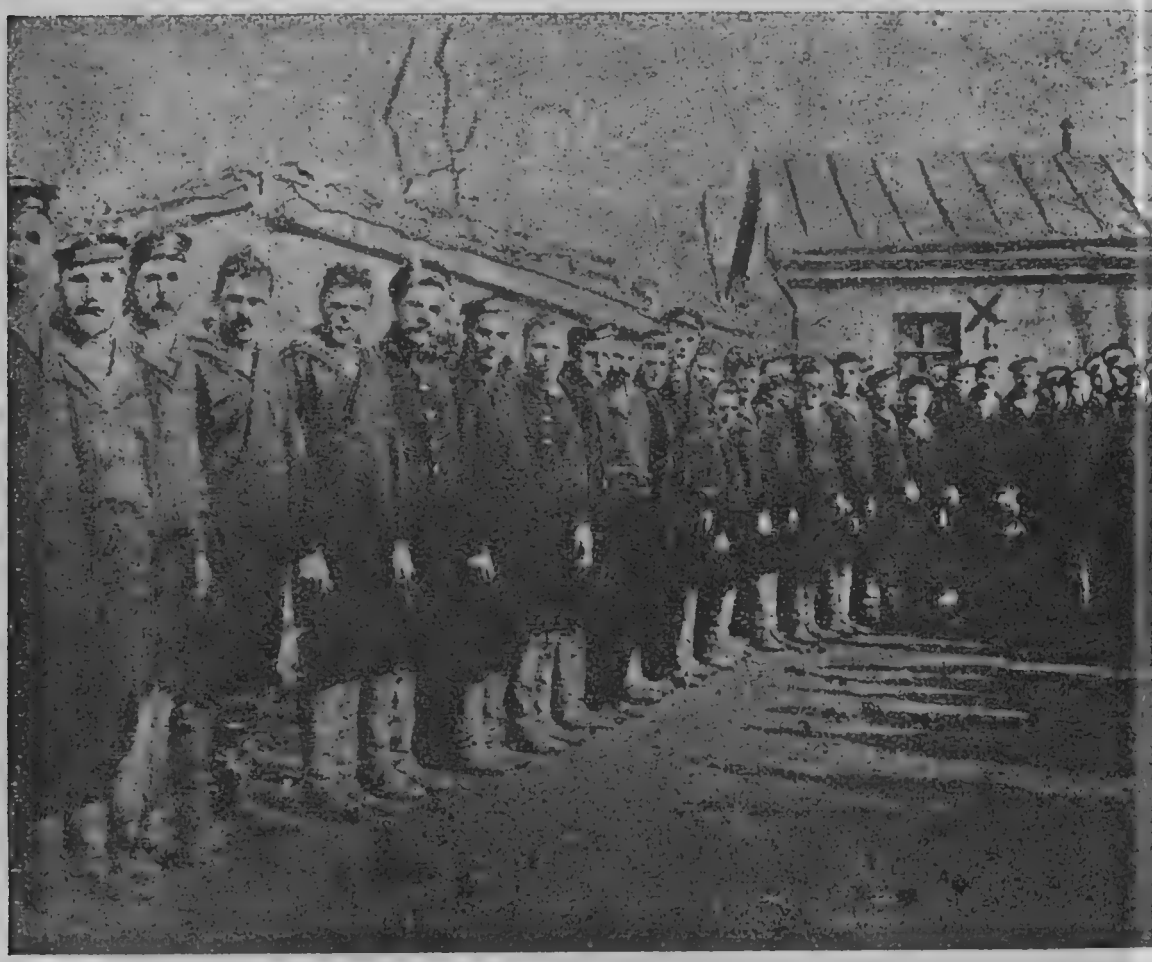
„Сибирская зима. На тракте между Сретенском и Нерчинском двигается, позвякивая кандалами партия арестантов. Ноги глубоко вязнут в густом снегу. Ветер нещадно бьет по лицу, по всему телу. От него никуда не спрячешься, суконным арестантским халатом не защитишься. Конвойные под град

ругательств бьют отстающих прикладами. Люди устали...

Наконец, раздается долгожданная команда:

— Партия, стоп. Оправься. Живо!

Арестанты в изнеможении падают на снег, расправляя закоченевшее и уставшее тело. От



Тов. Антоненко
(отмечен крестиком).

жажды едят снег. У некоторых отморожены уши, носы и ноги.

Через три минуты партия строится в ряды. Пересчитывают.

— Кто Осадчий! Выходи сюда...—кричит старший.

Подходит арестант, закованный в ножные и ручные кандалы. Лицо обернуто полотенцем. Конвойный внимательно его рассматривает с ног до головы.

— Ты, — зловеще произносит он, крепко ухватив за ворот полушубка.—Ты тот самый, который прошлым летом бежал от нас...

Тов. Гладков
(отмечен крестиком).

Осадчий молчит.

На зов старшего подбегают трое рослых конвойных солдат.

— Вот этот, братцы, та самая курва, за которую наши прошлым летом под суд пошли... Дайте ему первую порцию... Да хорошенько.

В один миг Осадчий уже лежит на земле и в судорогах корчится под непрерывным градом ударов прикладов, которые беспощадно сыплются по телу черноморца-революционера. Ему разбили голову, выбили зубы, прокололи штыком щеку. Изо рта, ушей и головы льется кровь, но Осадчий ни разу не вскрикнул. Это сильно раздражает солдат.

— Ишь, здоровая сволочь... — злостно огрызаются они и с остервенением продолжают избивать несчастного.

Избиваемый перестал шевелиться, но удары все еще сыплются. Солдаты раскраснелись. Один из них спрашивает старшего не положить ли Осадчего на подводу.

— На подводу его?.. — закричал он. — Чтоб опять убежал... Лежит, как мертвый... Притворяется, сволочь... Поднять его и поставить впереди, в первом ряду...

Но, к общему изумлению, Осадчий сам поднимается, вытирает полотенцем окровавленное лицо и, крепко обмотав им голову, становится в первую шеренгу. Он тяжело передвигает ноги и, точно пьяный, пошатывается...

— Не отставай... Не растя-я-я-гивайся... — не умолкает оклик конвойных.

А Осадчего бьют и бьют. На привалах он даже рта раскрыть не может. Ему не дают проглотить кусочек снега. Ему не дают есть. Он сильно мерзнет, так как ручные кандалы не позволяют ему одеть в рукава полушубок; бродни на ногах порвались и видны голые отмороженные пальцы. И Осадчий идет. Какая необычайная сила воли нужна, чтобы вынести все эти унижения, лишения и пытки...

До службы в Черноморском флоте, он был заводским рабочим. После суда за участие в восстании, его из Одессы отправили в Нерчинскую

Место казни матросов в 1906 г.

каторгу. Перерезав в арестантском вагоне оконную решетку, он бежал с дороги. Его поймали и снова послали туда, но он бежал вторично. Убежал и в третий раз. Два последних побега он совершил со Сретенского тракта, прямо из-под конвоя.

Партия подходила к тому месту, откуда Осадчий бежал последние два раза. Дела Осадчего плохи. Местный конвой хорошо это помнит и жестоко отомстит ему за побег.

Переночевали... Дорога шла к Горно-Зерентуйской тюрьме, Нерчинской каторги. На ночевке товарищи перевязали Осадчему раны, напоили чаем и помогли, кто чем мог. Снова выстроились в ряды. Взводный подзывает Осадчего и кричит:

— Ты еще жив, тварина...

Осмотрев кандалы и убедившись, что заклепки не перерезаны, и замок от ручных кандалов цел, он обернулся к солдатам:

— Дайте ему вторую порцию... Да так, чтобы детям своим заказал, как бежать от конвоя.

Повторилось вчерашнее: Осадчего били до бесчувствия. Потом его подняли и отбросили в первый ряд.

Через некоторое время партию принял новый конвой, тот самый, у которого дважды бегал Осадчий. Это произошло под деревней Тайна, на пути к Горному-Зерентую.

Пять человек солдат окружили товарища Осадчего.

— Ну теперь тебе конец пришел. Крест... — сказал ему спокойно старший.—Отсюда, вот, из этого места ты убежал, и на этом же месте ты должен подохнуть. Из-за тебя наши шесть человек попали в дисциплинарный батальон... Начинай, ребята!

От первого удара прикладом в ухо, Осадчий только немного покачнулся в сторону, от второго он грохнулся на землю сразу, словно подрублен-

ное дерево. Сам старший замахнулся на него штыком и хотел ударить его в грудь, но штык запутался в ручных кандалах Осадчего. Старший рванул обратно винтовку, но не мог вырвать ее. И так она запуталась, что рисковано было из нее стрелять, пуля попала бы скорее в кого-нибудь из окружающих старшего солдат, но не в Осадчего.

Старший испугался. Прерывающимся от страха голосом он закричал на солдат:

— Чего смотрите. Бей его штыком, бей скорее!

Один из солдат ударил Осадчего прикладом в лицо, между глаз. Лицо залилось кровью. Руки разжались и старший высвободил свою винтовку.

Он тяжело дышал.

— И... живучая же тварь, — пнул он ногою Осадчего.—Его бьешь, а он не кричит даже.

Приказал солдатам:

— Поднять его... И поставить к дереву... Вон, к тому... Расстрелять его и вся недолга... Осадчего за ноги потащили к дереву. Но стоять он уже не мог...

Уже старший раскрыл рот, чтобы отдать команду стрелять, как один из конвоиров бросился перед ним на колени. Это был еще совсем молоденький солдатик. Бледный, как снег, он бессвязно лепетал дрожащим голосом:

— Господин взводный... Не надо... Не могу... Ради бога... Зачем убивать... Братцы... Смотрите на него; он уже и так мертвый...

Солдатик не договорил, схватился руками за голову и как-то беспомощно, по-детски заплакал, судорожно дергая плечами от громких всхлипываний.

Озверевших, потерявших сознание солдат эта сцена отрезвила. Это было так неожиданно... Они опустили головы. Молчали...“ [1]).

---

[1]) Н. Брильон—„На каторге“, изд. „Благо“, 1917 г.

„Свободны те, кто не боится смерти, потому что им больше нечего бояться“,—таков был лозунг старых моряков-революционеров.

Кронштадт.

Это — большая морская крепость и большой военный порт в 29 километр. от Ленинграда. Во время революции 1905 г. здесь были сосредоточены огромные количества матросов и солдат крепостной артиллерии.

В этой книжке уже упоминалось, что еще в 1901—1903 годах среди кронштадтских матросов имелись революционные кружки.

Царские жандармы и сыщики усердно вылавливали отдельных матросов-революционеров и сажали в тюрьмы, но революционная искра тлела в Кронштадте неугасимо.

С самого начала русско-японской войны социал-демократы — большевики и даже меньшевики—стали агитировать между солдатами против этой войны и против царского правительства. Начали издавать брошюрки, листовки, прокламации. В начале ноября 1904 г. „Северный Комитет Российской Соц.-Демокр. Рабоч. Партии“ выпустил к солдатам и запасным обращение, которое заканчивалось так:

„Выступайте же, товарищи, на борьбу за благо отечества и провозглашайте: да здравствует международный мир, да здравствуют японские рабочие. Война против войны, война народа против его господ и угнетателей. Под красным знаменем рабочей революции начинайте борьбу за мир, за свободу. В мужицкие избы, в солдатские казармы несите слово просвещения, призывайте всех итти за нами в борьбе за свободу“.

Это обращение попало, конечно, и в Кронштадт. Пригнанные сюда для отправки на Дальний Восток с эскадрой Рожественского матросы из Черноморского флота наотрез отказались итти на войну. Правительство было так ошарашено этой первой военной забастовкой, что черноморцев отправили обратно в Севастополь.

Это событие показало кронштадтским войскам, что можно итти и на деле против правительства.

Всероссийская октябрьская забастовка 1905 года своим революционным ветром раздула Кронштадтскую искру в пламя восстания.

Само царское правительство косвенно помогло этому. По его приказанию, морские власти после забастовки перевели из Петербурга в Кронштадт около полутораста матросов, как „неблагонадежных" для столицы.

К этим матросам стали приезжать в Кронштадт их питерские знакомые из революционных рабочих и тогдашних студентов.

В Кронштадте снова началась революционная работа.

К несчастью для дела,—движение всколыхнулось раньше, чем была проведена достаточная подготовительная работа.

Дело началось с огромного митинга около Морского манежа 5 ноября.

Матросы требовали:

1) улучшения пищи и одежды;

2) уменьшения срока службы (тогда во флоте служили 7 лет);

3) уменьшения дисциплинарных наказаний;

4) устройства читален и библиотек;

5) полной свободы распоряжаться собой во внеслужебное время;

6) выборных судов чести и

7) возможного уравнения в правах с офицерами.

Вечером того же дня хулиганствующие „братцы“ (поклонники знаменитого тогда попа Ивана Кронштадтского) начали громить мелочные лавки и магазины. Это заразило и часть малосознательных солдат. Крепостные артиллеристы разгромили публичные дома.

Главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Никонов послал в Петербург требование о высылке „надежных“ войск для усмирения. Вместе с тем начались аресты солдат и матросов. 8 ноября арестованных собрали на вокзал военной железной дороги для отправки за город, на крепостные форты. Весть об этом быстро разнеслась по Кронштадту. Матросы всполошились; в один голос говорили:

— Не выдавать товарищей!

На выручку к арестованным скоро явилась огромная толпа матросов и крепостных солдат-артиллеристов.

Конвойная рота начала стрелять. Был убит кочегар 4-го флотского экипажа Свиридов.

— К оружию! — загремела масса матросов. — Смерть убийцам. Отомстим за товарища. Долой царских палачей!

Большинство было из соседнего с вокзалом 7-го флотского экипажа. Бросились к себе, разобрали из пирамид винтовки, добыли патроны и, вооруженные, пошли по городу с призывом к остальным морякам и солдатам примкнуть к восстанию.

На призыв откликнулись 8 экипажей из всех 12, расположенных в Кронштадте. Не вышли на улицу только 1, 11, 12 и 19 экипажи.

Начались аресты морских офицеров. Стали разрабатывать политические требования.

Но не дремала и черная сотня. Опять „братцы“-хулиганы Ивана Кронштадтского—начали громить

винные лавки, магазины; подожгли один дом. Опять малосознательная часть матросов и солдат присоединилась к ним.

А из Питера 9 ноября начали прибывать войска для „усмирения".

Восстание потухло. Ранено 75 человек; в госпитале умерло от ран 6, убито 10. К суду привлечено 208 матросов.

Большинству грозила смертная казнь.

Но на выручку пришел Петроградский пролетариат.

В Питере еще во время всеобщей октябрьской забастовки был образован Совет Рабочих Депутатов. Получив известие о событиях в Кронштадте, а также и в ответ на введение царским правительством в Польше военного положения, Совет 13 ноября принял решение:

„Правительство продолжает шагать по трупам. Оно предает полевому суду смелых кронштадтских солдат армии и флота, восставших на защиту своих прав и народной свободы. Оно закинуло на шею угнетенной Польши петлю военного положения.

„Совет Рабочих Депутатов призывает революционный пролетариат Петербурга, посредством общей политической забастовки, уже доказавшей свою грозную силу, и посредством общих митингов протеста проявить свою братскую солидарность с революционными пролетариями Польши.

„Завтра, 2 ноября (ст.ст.), в 12 часов дня, рабочие Петербурга прекращают работы, с лозунгами: Долой полевые суды. Долой смертную казнь. Долой военное положение в Польше и во всей России".

Забастовка развернулась дружно. К питерским рабочим примкнули рабочие нескольких городов. Царское правительство немного „сдало". Кронштадтских матросов предали не военно-полевому

а простому военно-окружному суду. Только один матрос Буловский был приговорен к бессрочной каторге; остальные получили сравнительно небольшое наказание; 84 участника были оправданы.

Не будь поддержки питерских рабочих, большинство участников восстания было бы, наверняка, казнено...

Кронштадтские матросы в ответ на услугу тотчас же начали готовиться к новому восстанию.

В начале декабря в Москве поднялись с оружием в руках рабочие. Царские палачи—полковник Мин и Риман жестоко расправились с московским восстанием. Был разрушен целый район Москвы — Пресня. Тысячи лучших рабочих были расстреляны или законопачены по зловонным тюрьмам.

Огненной злобой кипело горячее матросское сердце против насильников. Царское правительство заполнило экипажи и корабли шпионами. Офицерству предписано было строжайше наблюдать и немедленно доносить о всяком проявлении революционного духа подчиненных команд.

Все события 1905 г. показали, что пока на сторону революции не перейдут значительные воинские части, нельзя надеяться на успех, — это особенно ясно стало после вооруженного восстания в Москве.

Поэтому социал-демократы-большевики к концу 1905 г. еще более, чем раньше, стали уделять внимания агитации среди военных.

Чтобы вовлечь в революционную борьбу не только передовых одиночек, но всю массу солдат, агитация велась на почве повседневных нужд солдата и матроса. Питерскими социал-демократами вместе с представителями от солдат был разработан подробный список требований, которые должны пред'являться воинскими частями к правительству. Вот этот список:

1. Сокращение срока службы: в армии и гвардии на 2 года, во флоте—на три.

2. Право посещать в форме все публичные собрания и места, наравне с остальными гражданами.

3. Полная отмена телесных наказаний в войсках, дисциплинарных батальонах и военных тюрьмах.

4. Уравнение в правах на военной службе всех национальностей и вероисповеданий.

5. Беспрепятственное увольнение со двора в будни с 4 часов пополудни до 11 часов вечера, в праздники с 8 часов утра до 12 ч. ночи, всем без исключения, кроме находящихся в карауле, дежурных и дневальных.

6. Право держать и читать в казарме все книги, газеты и журналы. Отмена обязательного представления книг для подписи ротному командиру.

7. Ненаказуемость сотрудничества в газетах и журналах.

8. Полная отмена цензуры писем, получаемых нижними чинами.

9. Свобода совести. Отмена обязательной присяги и исполнения церковных обрядов.

10. Уничтожение военно-полевого и военно-окружного судов и подчинение всех военно-судебных дел общегородскому суду.

11. Выборный полковой суд с представителями: от штаб-офицеров —1, от обер-офицеров —2 и от нижних чинов —3, с равным для всех правом голоса.

12. Право подавать жалобы на ближайших и высших начальников в полковой и окружной суд.

13. Наложение ареста свыше 5 суток только по приговору полкового или окружного суда.

14. Право подавать коллективные жалобы в полковой и окружной суд и высшему начальству.

15. Право защищаться при малейшем поползновении со стороны начальника ударить.

16. Вежливое обращение начальников с подчиненными. Замена „ты“ более вежливым „вы“.

17. Воспрещение офицерам пользоваться нижними чинами для домашних услуг (уничтожение института денщиков).

18. Сохранение чинопочитания только в казарме и на службе. Вне казармы — полная отмена его.

19. Продолжительность ежедневных занятий не должна превышать 8 часов с необходимыми перерывами. Все перерывы в совокупности должны быть не менее 3 часов. Начало занятий не ранее 8 ч. утра и окончание не позднее 4 ч. пополудни.

20. Исполнение необходимых хозяйственных работ должно производиться исключительно во время, назначенное для занятий.

21. Предоставление права всем без исключения нижним чинам держать экзамен во все юнкерские и военные училища.

22. Для производства в фельдфебели обязательный образовательный ценз не ниже городского училища.

23. Устройство в каждом полку и части библиотек, которые должны находиться в заведывании нижних чинов.

24. Участие выборных нижних чинов, наравне с офицерами, в контролировании расходов и хозяйственных сумм.

25. Улучшение пищи. Отпускать на каждого нижнего чина на ежедневное продовольствие не менее 25 копеек.

26. Улучшение обмундировки и помещений.

27. Улучшение ежемесячного жалования до 3 рублей рядовому, до 5 рублей ефрейтору, до

8 руб. младшему унтер-офицеру и до 10 р. старшему унтер-офицеру.

Политические требования выдвигались при агитации только в кружках наиболее передовых солдат и матросов...

Практическая задача агитации в войсках состояла в том, чтобы подготовить их к всеобщему вооруженному восстанию одновременно с рабочим классом.

Восстание намечалось на осень, когда будет в деревнях собран хлеб.

В Балтийском флоте предполагалось организовать одновременное восстание в Кронштадте, Гельсингфорсе, Свеаборге и Ревеле.

В Кронштадте еще с весны 1906 года революционными кружками матросов заготовлялись тайные склады оружия.

Но и на этот раз движение началось ранее намеченного срока.

21 июля царь разогнал I Государственную Думу.

25 июля Соединенный Комитет трудовой группы и социал-демократической фракции выпустил особый „манифест к армии и флоту“:

„Солдаты и матросы! Правительство царским указом распустило Государственную Думу и собрало со всех сторон войска для того, чтобы силою оружия подавлять народ. Народные представители были избраны вашими отцами и братьями для того, чтобы заявить царю про все народные обиды и добиться для народа земли и воли. Но царь не пожелал послушать избранников народа. Он послушал своих прежних советников: великих князей, министров, генералов и богатейших помещиков, которые не желают выпустить из рук своих имений, свои многотысячные оклады, безответственную власть. Вся Россия разделилась теперь на две стороны. На одной стороне огром-

ное большинство: все крестьянство и рабочие, все бедные и угнетенные, лучшие из ученых и образованных людей, сознательные солдаты, лучшие офицеры и все мученики, которые в тюрьмах, в том числе тысячи солдат и матросов. На другой стороне — кучка насильников: Трепов, Победоносцев, Столыпин, манчжурские генералы, которые убежали от японцев, но расстреливали Москву, Одессу, Читу, земские начальники, полиция, шпионы и вся черная сотня. Они рассчитывают на ваши силы, чтобы подавить весь русский народ.

Будете ли вы стрелять в народ, проливать народную кровь, пробивать штыками народную грудь? Вспомните: вы — сыновья крестьян, дети русского народа. В это самое время в той деревне, откуда вы родом, собственные братья ваши, те, которые остались дома, тоже волнуются, требуют земли и воли, а правительство посылает туда других солдат, для того, чтобы стрелять и избивать их. Зачем вы будете защищать правительство? Разве вам хорошо живется? Разве вы сами не угнетены? Вас угнетают хуже всех других, отдают вас на рабскую службу, денщиками к офицерам, истязают в штрафных батальонах, за каждое смелое слово ссылают в каторгу и расстреливают.

Мы, народные представители, желали улучшить ваше положение, мы хотели издать закон о сокращении службы до двух лет, об отмене денщицкой службы, о назначении солдатам месячного жалования, о строгом запрещении всяких оскорблений солдат со стороны военных чинов; мы хотели улучшить участь солдат, как вообще улучшить долю трудового народа. Чтобы помешать этому, правительство поспешило разогнать Государственную Думу.

Солдаты! Матросы! Мы, законные представители от крестьян и рабочих, об'являем:

Без Государственной Думы правительство незаконно, приказы его не имеют законной силы.

Мы призываем вас:

1. Перестать повиноваться незаконному правительству, выступить против него вместе с нами и со всем народом. Мы присягаем защищать отечество. Ваше отечество — это русские города и села и весь русский народ. Защищайте же его, стойте вместе с нами за землю и волю.

2. Всякий, кто будет стрелять в народ, есть преступник, изменник, враг народа, мы об'являем от лица их братьев и отцов, что им не будет возврата в родные селения, и что над их именем будет тяготеть вечное проклятие народа.

3. Правительство вступило в переговоры с австрийским и германским императорами, немецкие войска готовы будут вторгнуться в нашу страну—защищать опостылевшее народу правительство силою чужеземного оружия. За такие переговоры мы об'являем правительство, как виновное в государственной измене, вне закона.

Солдаты и матросы! ваша священная обязанность освободить русский народ от изменнического правительства и защищать Государственную Думу. Всякий, кто положит свою голову в этой священной борьбе, покроет себя неувядаемой славой, и русский народ благословит его имя.

В этой борьбе избранники народа будут с вами. Смелее же за родину, за народ, за землю и волю против преступного правительства!"

В Кронштадте восстание вспыхнуло в ночь с 1 на 2 августа. Матросы первой дивизии арестовали своих офицеров и, во главе с членом 1 Государственной Думы трудовиком Онипко *),

*) При Временном правительстве стал соглашателем и был «комиссаром» флота в Гельсингфорсе.

направились к казармам Енисейского крепостного полка. На улице этот отряд соединился с отрядом матросов второй дивизии, где уже были перебиты все офицеры. Над обоими отрядами принял командование матрос Егоров (тот самый, который потом в Петербурге убил военного прокурора Павлова). Отряд хотел овладеть хотя бы одним из крепостных фортов, чтобы получить в свои руки артиллерию. Но это не удалось. Другой отряд—минеры—овладели было фортом „Константин", но не надолго. Сухопутные части не примкнули к восставшим. Енисейский полк в ответ на призыв присоединиться встретил залпами отряд под командой Егорова.

Одновременно с вооруженными матросами, на улицах, как и при первом восстании, появились опять банды хулиганов во главе с „братцами" попа Ивана Кронштадтского и начали погром винных лавок и магазинов. Кто стрелял, кто грабил магазины, кто пил водку. Началась полная неразбериха.

Восстание не удалось.

2 августа уже заседал военно-полевой суд.

— Расстрелять... расстрелять... расстрелять...— таков был короткий приговор 19-и матросам.

Вот как была произведена расправа с этими 19-ю героями—(по рассказу матроса А. Затертого (Новикова).

„Было еще темно. Форт, погружённый в предрассветный сумрак, казался издали спящей горной громадой; кое-где только виднелись редкие огоньки. Здания крепости, немые свидели того, что должно было здесь совершиться, зловеще поднимались ввысь,—холодные, угрюмо-тоскливые... Из амбразур казематов сурово выглядывали пушки, зияя своими черными, как сатанинский взгляд, жерлами. Дул резкий, порывистый ветер. По небу ползли тяжелые, свинцовые тучи, скрывая собой

уже начавшие меркнуть редкие звезды. Море глухо шумело. По временам, большие волны со страшной силой набегали на каменные глыбы крепости и, разбившись в мелкие брызги, с жалобным стоном убегали обратно слабыми струйками. Безнадежностью и унынием веяло от всей этой картины.

На месте, предназначенном для исполнения приговора „суда скорого, правого и милостивого", были уже вкопаны два столба в двадцати саженях друг от друга, а между ними протянута веревка на высоте половины человеческого роста от земли. Сюда, еще за полтора часа до казни, привели девятнадцать приговоренных к смерти матросов.

С гордо поднятыми головами и смелою уверенною поступью подошли они к роковому месту. Лишь редкие из них тревожно озирались вокруг, ища, вероятно, близких сердцу людей, но напрасны были их поиски. Здесь стояли лишь чужие вооруженные винтовками люди, которые, вытянувшись в струнку и застыв неподвижно, были похожи на бездушные изваяния. И все кругом—мутное небо, море, подавленное густой серой мглою, угрюмые силуэты крепостных твердынь, черневшие во мраке; темная, неподвижная громада людей, замершая в зловещем ожидании; слабое мерцание фонарей, дрожавшее на стали ружей,—все было так согласно, все сливалось в одно ощущение ужаса и смертельной тоски. Но осужденные были спокойны. На их лицах, едва озаряемых светом огня, не замечалось ни тени трусости, колебания и сомнения в правоте своего дела. Они мужественно и твердо ждали того, что было неотвратимо.

Их подвели к канату и поставили в один ряд. Пред ними выстроилась рота матросов стрелковой команды. Состоя из самых отсталых и забитых,

благодаря „особому обучению“, людей, она, несомненно, могла лучше других выполнить предназначенную роль убийц. Но на всякий случай за стрелками - матросами, чтобы они не отказались расстреливать своих товарищей, были поставлены несколько пехотных взводов, а позади всех пулеметы, у которых вместо прислуги-солдат встали сами офицеры.

Долго, мучительно долго тянулось время, пока приготовлялись к кровавой расправе. Те, от кого зависела развязка, казалось, наслаждались медленной мукой приговоренных к смерти людей.

Осужденные были одеты по летнему, и холодный осенний ветер пронизывал их до костей. Между ними поднялся ропот:

— Долго ли вы будете нас мучить? — слышались голоса, дрожавшие злобой и негодованием.

— Прикончите нас скорее...

А между тем на дворе забрезжил утренний рассвет, разгоняя сумрак ночи.

Наконец, приступили к чтению смертного приговора. Но едва раздались первые слова, как, заглушая их, вдруг поднялся и задрожал густыми, стройными звуками печальный, величественный мотив. Это пели осужденные:

Мы жертвою пали в борьбе роковой
Любви беззаветной к народу...

Стрелки, услышав это и выйдя из оцепенения, внезапно всколыхнулись, точно по сердцу каждого из них чем-то больно резнули. Мрачные лица их судорожно передернулись. Некоторые из них уныло смотрели на тех, кого они через некоторое время, исполняя волю всевластных душителей свободы, должны будут уничтожить.

А обреченные, изливая в этой песне всю свою скорбь и муку, продолжали петь:

Мы отдали все, что могли, за него,—
И жизнь свою, честь и свободу...

Скорбные звуки лились плавно и печально. Но по временам голоса поющих сливались в один грозно-рыдающий напев, который несся над необ'ятной морской ширью куда-то вдаль, точно его подхватывал ветер. Казалось, что это вырвалась из тяжелых оков мятущаяся человеческая душа и, горестно рыдая, возносилась к солнцу.

Приговор так и не был прочтен: начальство заметило, что настроение стрелков-матросов и остальных солдат становилось все тревожнее. Поэтому поторопились покончить с обреченными.

К ним подошел поп. За исключением двух человек, все решительно отказались от его услуг.

— Лучше, батя, обратись с наставлением к тем, кто залили кровью всю нашу страну,—посоветовал ему один из осужденных.

Тогда их начали привязывать к канату и надевать на головы небольшие мешки. Это дело приказали выполнить 10-ти кочегарам, присланным сюда из 19-го флотского экипажа специально для погребения казненных. В просьбе осужденных оставить глаза открытыми было отказано.

— Не могу-с. Это было бы против закона,— был ответ.

— Да разве этих скорпионов можно о чем-нибудь просить,—произнес кто-то из осужденных.

— Молчать, подлец!

— Чего молчать, — продолжал тот же голос,— ведь, все равно две жизни не отнимешь.

— Долго ли вы будете с этими негодяями возиться. Хотите, чтобы и вас я поставил рядом с ними.

Кочегары заторопились. На их лицах замечалась растерянность, руки дрожали.

— Боритесь, товарищи, до конца, пока не уничтожите всех народных злодеев, — говорили одни из осужденных.

— Выручайте, наш бедный, замученный народ,— прибавляли другие.

А на крайнем левом фланге, под крики офицера, разыгралась потрясающая сцена: кочегарный унтер-офицер узнал в осужденном, которого он собирался привязать к канату, своего земляка, односельчанина.

— О, Господи! Да что же это такое... Свиделись-то где. Да как же это... — бормотал унтер, взволновавшись.

— Воронов! Дорогой мой! — тихо произнес тот, обращаясь к кочегару. — Передай обо мне всем моим родным. Скажи им, что я умер за правду, за справедливость. Поцелуй за меня моего сынишку. Мой завет ему такой: пусть он будет таким же, каким был его отец...

— Все, брат, передам,—захлебываясь слезами, успел ответить Воронов и, едва держась на ногах, отошел в сторону, не будучи в состоянии ничего больше делать.

Привязывание было закончено.

— П-а-а-альба ротой!

Стрелки, колебля фронт, засуетились. Нервно, торопливо загремели затворы. Послышался отвратительный лязг железа. Казалось, это перед осужденными предстала сама смерть — страшная и беспощадная и, ожидая своей добычи, с жадностью защелкала своими всепожирающими челюстями. Конец приближался...

Осужденные, почувствовав, вероятно, весь ужас загробной тьмы, невольно содрогнулись.

— Долой тиранов! Да здравствует свобода!— вдруг громко и отчетливо произнес один из них.

Этот дерзновенный крик, вырвавшийся из груди несчастного, воодушевил остальных.

— Ура! Ура! — дружно подхватили другие, внезапно охваченные чувством предсмертного воодушевления, и в их голосах слышалось что-то мощное и грозное, чувствовалась несокрушимая, пламенная вера в то, что начатое ими дело не погибнет, что их смерть найдет отклик в сердцах многомиллионного народа, и он в гневе своем, как ураган, низвергнет в прах все прошлое, грязное, низкое, злое.

— Ро-о-о-та!

Приподнялась, но тотчас же заколыхалась неровная линия штыков. Волнение стрелков, дошедшее до высшего напряжения, мешало им целиться. Многие из них дрожали. Другие зажмурились, чтобы не видеть, как их жертвы, пронзенные пулями рухнут на землю.

— Ну, стрелки, если вы не сумели быть борцами за правду, то будьте же хоть хорошими палачами! —крикнул один из тех, на которых уже были направлены дула винтовок. — Цельтесь вернее. Стреляйте прямо в грудь...

— Пли!

Раздались неровные, беспорядочные выстрелы. Залп оказался недружным, „сорванным".

Произошло нечто невообразимое. Два или три человека были убиты наповал, некоторые только ранены в живот, грудь, ноги; другие же остались невредимыми. Но первые, падая и натягивая книзу канат, увлекли за собою остальных. На земле образовалась барахтающаяся и извивающаяся куча человеческих тел. Легко раненые, обливаясь кровью, подпрыгивали, вертелись вокруг каната, делали конвульсивные движения. Те, которых не коснулись пули, в ужасе рвались в стороны, но тщетно, так как были крепко привязаны. Они вскакивали на ноги, спотыкались на убитых и раненых товарищей и падали снова. Слышались стоны, проклятия, дикие вопли.

Стрелкам было выдано только по два патрона. Офицер, командовавший ротой, приказал выпустить по второй и последней пуле. Но стрелки, растерявшись, целили плохо, стреляли наугад. Да и трудно было попасть в эти корчившиеся и бьющиеся тела. Душу раздирающие крики оставшихся в живых, стоны и ругательства смешались в какой-то страшный хор нечеловеческих звуков, словно воплощая в себе весь ужас совершаемого злодеяния.

— Изверги. Живодеры. Будьте прокляты! — выделился чей-то хриплый голос.

Снова выдали стрелкам патроны и снова они зарядили винтовки. Начался треск ружейных выстрелов, длившийся несколько минут. Теперь уже палили без всякой команды и с близкого расстояния.

Но те, над которыми производилась эта зверская расправа, не умирали, точно они были неуязвимы. Они не переставали метаться, опрокидываться и корчиться в судорогах. Многие из них принимали мучительно-неестественные позы. Живые, дергая канат, подбрасывали мертвых, производя на окружающих такое впечатление, что из расстреливаемых будто бы еще никто не был убит до смерти.

Тогда было приказано докончить их в „рукопашную".

Ужас увеличился. Офицеры стояли бледные, один не выдержал, ушел за вал. Солдаты, застывшие, смотрели на страшное зрелище, оставаясь безмолвными.

Никто из них не кинулся на защиту своих товарищей; ни у кого не хватило даже смелости крикнуть громкое обличительное слово этой шайке „законных" разбойников, хотя большинство солдат смотрело на все это с глубоким омерзением,

Жалким трусам, забитым существам свойственны лишь вздохи, но не смелые поступки.

Наконец, тела казненных перестали корчиться. Замерли крики, смолкли и стоны. Приступили быстро к погребению, как вдруг из неподвижных трупов, застывших в вечном и таинственном сне, привстает одна окровавленная фигура и слабым, дрожащим голосом произносит:

— Братцы! Да как же я-то?... Я, ведь, жив...

Подошел „шкура" и выстрелил в упор...

Казненных начали складывать в большие мешки, которые должны были заменить собою гробы. Но их оказалось только девять штук. Лишь с трудом удалось втиснуть в них девятнадцать изувеченных трупов. Когда все было готово, эти мешки, наполненные человеческим мясом, погрузили на пароход и отвезли за Толбухин маяк... Там, привязав к ним предварительно железные грузы, выбросили их за борт.

Волны расступились и скрыли в своих холодных глубинах жертвы необузданного произвола. Но, словно стыдясь, что его делают участником непрощаемого злодеяния, море через несколько дней прибило часть мешков с трупами к берегу, как раз против царской дачи—Александрии".

Свеаборг.

Почти одновременно с кронштадтцами, восстали матросы и крепостные артиллеристы в Свеаборге.

Здесь также шла подготовка к восстанию со времени октябрьского „манифеста" 1905 года.

В конце июля 1906 г. минная рота отказалась ставить заградительные мины. Дело в том, что к восстанию готовились так открыто, что об этом знало почти все начальство. Комендант крепости боялся, что на подмогу свеаборжцам могут прийти Кронштадтские суда. Чтобы загородить им дорогу,

он приказал каждую ночь ставить около крепостных берегов мины. Минеры это знали и отказались исполнять распоряжение коменданта. Минеры стояли лагерем. Их окружили пехотой. Комендант Лаймин сам сорвал нашивки с погон „бунтовщиков". В полночь с 30 на 31 августа с Лагерного острова раздался пушечный выстрел. Это был сигнал к восстанию.

Прежде всего нужно было освободить минеров.

Три дня боролись повстанцы. Арестовали 23 офицеров. Убили только одного офицера, полковника Нотара. Да и то при таких обстоятельствах. Он хотел скрыться на шлюпке. Революционеры заметили и приказали остановиться. Он не хотел. Выстрелили, ранили в ногу. Шлюпка причалила к берегу. Нотара взяли артиллеристы и понесли в госпиталь. Он крикнул:

— Ну, живо двигайся, вы, мерзавцы!...

— Молчи, кровопиец!—ответили солдаты.

— Пил вашу кровь и буду пить. Под расстрел вас, на виселицу!—злобно кричал полковник.

Его убили.

Еще бы не убить такого.

Но что революционеры были черезчур милостивы, показывает такой случай. Офицер Борк вместе с женою и денщиком забрался на чердак своей квартиры и оттуда отстреливался. Четырех ранил. Жена его тоже стреляла. Сам Борк, когда вышли все патроны, застрелился. Жена сдалась. Но ее никто пальцем не тронул.

Вся крепостная артиллерия была уже в руках революционеров. Третий день Красное знамя борьбы реяло призывно на том месте, где до сих пор торчал царский флаг. Полная победа была близка. Начальник артиллерии, генерал Агеев, даже и тот предлагал царской пехоте сдаваться. Революционеры ждали с часу на час прихода революционных кораблей из Кронштадта. Показа-

лись дымки на горизонте. Подходили броненосец „Цесаревич“ и крейсер „Богатырь“. Они стали на якорь и сделали четыре холостых выстрела.

Революционеры ликовали. „Четыре холостых выстрела“—это был условный сигнал, он означал, что корабли прибыли на подмогу. С батарей крепости ответили тоже четырьмя холостыми выстрелами.

Но вдруг вечером с кораблей полетели в революционные батареи боевые снаряды...

Оказалось, что это пришла не подмога, а пришли усмирители.

Потом выяснилось, что офицеры „Цесаревича“ и „Богатыря“ споили матросов водкою и пьяным внушили, что в Свеаборге бунтуют не моряки и русские артиллеристы, а „вонючие чухны“—финляндцы.

Свеаборгские батареи ответили тоже выстрелами. Корабли отошли на такое расстояние, на котором крепостные пушки их достать не могли, и начали „крыть“ по восставшим из своих дальнобойных орудий.

Революционерам пришлось сдаться. Подняли белые флаги, но бомбардировка и после этого долго не прекращалась. Пытавшихся уйти на на шлюпках матросов расстреливали в упор.

Как и в Кронштадте, суд был начат сейчас же, как только сдались революционеры. Осудили 98 моряков, 17 из них—к расстрелу...

На „Памяти Азова“.

Крейсер „Память Азова“ в кампанию 1906 г. ходил флагманским кораблем (т.-е. таким, на котором находился старший начальник) учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота.

Еще в начале кампании на крейсере организовался революционный кружок из квартирмейстера Лобадина, баталера Гаврилова, гальванерного квартирмейстера Колодина, минера Осадского, матросов: Кузьмина, Котихина, Болдырева, Ширяева и Пенкевича.

Крейсер стоял в Ревеле. Матросы посещали митинги на берегу и там познакомились со „студентом Оськой". Настоящее его имя было Арсений Каптюх.

На корабле был избран тайный судовой комитет. Об этом знали кое-кто и из офицеров. Чтобы разобщить команду с береговыми революционерами, 27 июля крейсер был отведен из Ревеля в бухту Панон-Вик. 1 августа привозили из Ревеля провизию. Как-то пробрался на крейсер и Каптюх. Была получена секретная телеграмма о восстании в Свеаборге. Поздно ночью собрался судовой комитет. Об этом донес старшему офицеру дежурный ученик-матрос Тильман. Арестовали тов. Каптюха. Командир приказал отправить его в Ревель.

Матрос Лобадин тем временем потушил на батарейной палубе электричество. Несколько человек напали на часового у денежного ящика, чтобы добыть патроны. В темноте на корабле забегали люди. Об этом доложили командиру. Он разбудил офицеров и приказал перенести винтовки из жилой матросской палубы в кают-компанию и в офицерские каюты, при этом затворы были вынуты.

В то же время Лобадин достал патроны и с криком: „выходи за мной" выскочил наверх. Кто-то выстрелил. На верхнюю палубу начали выбегать матросы. Убили нескольких офицеров. Часть офицеров успела спуститься в баркас и отвалить от крейсера. В 3 часа утра все остальные

офицеры сдались. Их заперли по каютам и приставили часовых.

Освободили из-под ареста Каптюха. Командование крейсером принял на себя тов. Лобадин. Выбрали революционный судовой комитет. Крейсер снялся с якоря и направился в Ревель, чтобы соединиться там с „Ригою", где тоже должно было уже произойти восстание. „Ригу" встретили около Ревеля, но она не присоединилась. Революционеры начали совещаться: что делать.

Тем временем, оставленные на свободе кондуктора (то же, что старые подпрапорщики в пехоте) уже подняли контр-революцию.

Когда Лобадин, услышав об этом, скомандовал: „кондуктора наверх", выскочил один из кондукторов и крикнул:

— Кто не желает бунтовать, становись по правую сторону, а кто желает—по левую.

Его пристрелили. Но внизу нежелавшие „бунтовать" уже разбирали винтовки и патроны. Были освобождены арестованные офицеры. Лобадина ранили. Вскоре революционеры убедились, что дело пропало. Их арестовали и свезли на берег. Каптюх бросился за борт. Саженей 10 проплыл под водой. Когда вынырнул, его заметили, поймали на шлюпку и тоже доставили на берег. Как раз в это время к крейсеру подошла шлюпка с представителями от революционеров Кронштадта. Их арестовали.

14 августа начался суд. 18 человек, в том числе и Каптюх, были приговорены к расстрелу; 12 человек—в каторжные работы на сроки от 6 до 12 лет; 13—в дисциплинарный батальон; 15—к дисциплинарным наказаниям.

Мы отметили лишь наиболее яркие и крупные восстания. Мелких восстаний не избежал ни один флот и почти ни один корабль. Последнее по времени восстание в период революции 1905 г. было на миноносце „Скором“ во Владивостоке 30 октября 1907 г.

Таким образом, с полным правом можно сказать, что революция 1905 года и началась и кончилась восстаниями во флоте.

Количество жертв, принесенных флотом за это время, было огромно. Имеются цифры с 1906 по 1910 г. За этот промежуток времени в движении участвовало до 45.000 моряков. Приговорено к смертной казни 149; в каторжные работы—960; в арестантские роты—1744; заключено в крепости—20; отданы в дисциплинарные батальоны—876; в гражданскую тюрьму—356; подвергнуто дисциплинарным взысканиям—229.

Всего пострадало за революционную борьбу 5.757 человек.

Возникает вопрос:

— Почему же, несмотря на такое огромное количество жертв, несмотря на величайший героизм матросов—все эти их бунты, мятежи, восстания до сих пор терпели крах?

Дело в том, что не удалась вся революция 1905 г.

Во 1) царскому правительству помогла международная буржуазия, которая через Францию дала царю денег на борьбу с революцией.

Во 2) не удалось организовать поддержку пролетариата крестьянством: рабочий класс был разгромлен раньше, чем подоспело к нему на помощь крестьянство.

В 3) слабо была поставлена партийная работа не только в войсках и крестьянстве, но и среди рабочих масс.

В 4) не было единой, сплоченной, со стальной дисциплиной, рабочей партии. Большевистская часть социал-демократии одна верно вела дело, но большевиков было мало. Меньшевики же сами боялись вооруженного восстания.

В частности революционное движение матросов терпело крах потому, что:

1. Не было твердой спайки между матросами и солдатами. В Севастополе матросов не поддержали Белостокский и Брестский полки. В Кронштадте матросы подавлены сухопутными войсками из Питера. В обоих морях—Черном и Балтийском — руководили меньшевики, которые в острые моменты всегда медлили, боялись решительных действий, совещались тогда, когда нужно было действовать. В Свеаборге меньшевики задержали движение на 3 часа, ожидая решения своего Центрального Комитета,—а в революции каждая минута дорога.

2. Не было организовано взаимной поддержки и единовременности в движении между войсками и рабочими.

3. Не было умелых вождей среди матросских масс. Было много героев, но вождей не было. Шмидт не мог быть вождем, раз сам не хотел вооруженной борьбы. Тов Матюшенко на „Потемкине“ был беззаветным героем, но он не умел организовать массу, не шел впереди ее, а шел только с нею.

Эти уроки, зато, помогли дальше действовать вернее.

V.

Неугомонные.

С 1907 г. по всей России наступила полоса тяжелой тишины. Рабочие организации были разбиты. Интеллигенция (врачи, учителя, профессора,

студенты), обжегшись на молоке, стала дуть и на водицу: она отошла от революции. Социал-демократы меньшевики начали исподволь поговаривать, что о восстаниях нечего и думать, что надо двигаться дальше вперед только „законными“ путями. Царское самодержавие вновь почувствовало себя бесконтрольным хозяином жизни. Все члены II Государственной Думы, принадлежащие к социал-демократической партии, были сосланы в Сибирь— на каторгу или „вечное“ поселение. Права Государственной Думы, и до того куцые, были еще более урезаны. В III Думу могли попасть только черносотенцы. В деревне крестьяне грызлись между собой по поводу хуторов и отрубов, закон о которых выбросил министр Столыпин, как кость собакам.

Затихли наружно и военные моряки.

Осторожно, хитро, постепенно правительство вновь устанавливало каторжный режим на кораблях и береговых частях.

В то же время от матроса к матросу, от старика к новобранцу передавались революционные заветы расстрелянных моряков-борцов, доходили во флот изредка весточки от товарищей с каторги, из тюрем. Росли рассказы о славном „Потемкине“, о лейтенанте Шмидте, о Кронштадтском и Свеаборгском восстаниях...

И вновь закипела буйная матросская душа гневом к царизму и ненавистью к худшей части своего офицерства.

В то же время уцелевшие остатки партии социал-демократов—большевиков и лучшая часть эс-эров энергично и самоотверженно, не боясь ни виселиц ни тюрем, собирали упорно свои поредевшие ряды и вновь налаживали свои организации.

Практика революции 1905 года убедила революционные партии, что без активного организованного участия солдат не совершить революции.

И поэтому большевики, организуя рабочих, в то же время огромное внимание направили на пропаганду революционных идей среди войск и прежде всего—среди матросов.

Начиная с 1909 г. вновь в Балтийском флоте появляются революционные кружки. В следующем году уже налаживается правильная военно-боевая организация. Раньше всего революционные кружки появились в Свеаборгском порту (в Финляндии), а затем—в Кронштадте.

3 февраля 1911 г. на учебном судне „Двине“ жандармы нашли принадлежности для тайной типографии. В первых числах декабря того же года на линейном корабле „Цесаревич“ и крейсере „Рюрик“ уже существовали совершенно оформленные ячейки.

17 апреля 1912 года полиция расстреляла на Ленских золотых приисках в далекой Сибири несколько сот рабочих за забастовку.

Вздрогнул весь рабочий класс России.

Революционные социал-демократы призвали рабочих к протесту.

Флот не только не остался в стороне от этого протеста, но начал усиленно готовиться к открытому восстанию.

В Черноморском флоте вновь началась революционная работа — теперь уже с значительным влиянием большевиков. Работа руководилась из-за границы. Однако, в местную организацию втерлись провокаторы, которые продали и предали наиболее активных матросов. Было арестовано около 200 человек. Часть из них с броненосца „Иоанн Златоуст“ расстреляна, многие пошли на каторгу; часть (около 150 чел.) перекинули в Каспийское и Балтийское моря...

Наученные горьким опытом прошлых неудач, теперь матросы относились к революционной работе крайне осторожно. В кружки принимали

новых участников только под ручательство двух уже испытанных членов кружка.

Наиболее активными партийцами в Гельсингфорсской эскадре в то время был матрос Иван Кузьмарь с „Цесаревича“ и кочегар Иван Шабалин.

Зимой сходки часто происходили в квартире у одного из слесарей линейного корабля „Слава“.

2 мая 1912 г. состоялась сходка в окрестностях Гельсингфорса. На ней участвовали матросы-революционеры с „Цесаревича“ и миноносцев №№ 218 и 22. Было решено установить связь между отдельными кораблями. Через три дня состоялась еще более многолюдная сходка. Были новые представители с миноносца № 219 и с крейсера „Рюрик“.

На этой сходке было решено начать восстание, как только эскадра выйдет в Кронштадт в конце мая.

План восстания намечался такой.

Восстание начать рано утром на флагманском корабле. Перебить всех офицеров. Подать сигнал о сборе начальников всех частей на флагманское судно и, когда они явятся,—перебить. На остальных кораблях восстание должно начаться тотчас же, как только командир отбудет по вызову на флагманское судно. Затем обстрелять Свеаборгскую крепость, вывести оттуда миноносцы и итти в Ревель для соединения со стоявшим там отрядом, который тоже был бы готов к восстанию. После соединения—итти на Кронштадт, взять его, а затем—взять Петроград.

Выдающуюся роль в организации матросов сыграл рабочий портовых мастерских Алексей Волков. Он даже выпустил особое воззвание „к солдатам“, он помогал матросам сноситься с заграничными организациями русских социал-демократов. Сам он настаивал, чтобы восстание

отложить до осени, когда начнутся большие маневры.

Но матросы, особенно с „Рюрика“, были так возбуждены, что требовали начать восстание летом.

Организованных матросов-революционеров насчитывалось: на „Рюрике“—150, на „Цесаревиче“—до 200, на миноносцах—не менее, чем по 8 человек. Все члены организаций старались запастись револьверами.

Работа революционных кружков развивалась быстро и энергично.

Но не дремали и царские шпионы. Как ни старались матросы хранить свою подготовку восстания в тайне, об этой подготовке знало царское правительство.

В ночь на 8 мая, накануне дня, намеченного для начала восстания, были произведены обыски и аресты матросов—на „Цесаревиче“, „Рюрике“ и миноносцах 2-ой дивизии.

Хотя и после этих арестов подготовка к восстанию продолжалась, но уже среди революционеров настроение стало несколько подавленным.

В ночь с 23 на 24 июля снова было арестовано на разных кораблях 26 матросов. Дело было разбито.

По делу о подготовке восстания было предано суду 52 матроса — с „Рюрика“, „Цесаревича“, „Павла I“, „Славы“ и миноносцев 2-й дивизии.

Каторга и арестантские роты снова пополнились матросами,—борцами за святое дело освобождения трудящихся.

Матросы снова подтвердили, что они — поистине—„неугомонные“ революционеры.

На аресты матросов в Балтийском флоте частично откликнулись матросы Черноморского флота и матросы в Ревеле. В Черноморском

флоте — 3-го, а в Ревеле 4-го августа начались „беспорядки“. Там тоже готовились к восстанию, но тоже царским шпионам удалось во-время выследить эту подготовку. И восстание не состоялось.

Нужно отметить, что в этот период движение не было стихийным, — вразброд, как попало. Нет, оно шло организованно—под руководством политических партий, главным образом, под руководством социал-демократов—большевиков.

VI.

Против течения.

Аресты 1910—1912 годов основательно почистили флот от революционного элемента. Но и этого царскому правительству казалось мало. Чтобы сделать флот окончательно „благонадежным“, оно стало набирать новые пополнения с сугубой осторожностью. Вопреки потребности флота в матросах из рабочих, как наиболее технически подготовленного элемента, начали набирать во флот и из крестьян, полагая, что „серая деревенщина“ будет спокойнее вечно бунтующего пролетариата.

Разразилась империалистическая бойня. Россию затянуло дымом „патриотизма“. Даже рабочие угорели от этого дыма и на время как бы забыли свою исконную ненависть к царскому правительству. Интеллигенция оптом кричала:

— Долой немцев. Война до победы!

Этому общему настроению поддались, конечно, и солдаты; не устояли на первое время даже и матросы.

Первый год войны, лето 1914 г., флот „доблестно“ воевал, не производя никаких беспорядков.

Но и на этот раз политическая тишина во флоте длилась недолго.

Уже следующий год обнаружил, что во флоте снова „неспокойно“. Революционный огонь прорвался прежде всего на линейном корабле „Гангут“ в Финляндии.

Как и при прежних восстаниях, — дело началось как будто бы с пустяков. В конце июля 1915 г. „Гангуту“ нужно было запастись большой партией угля. Матросы работали с утра до 6 часов вечера без обеда. Когда работа была кончена и когда матросы пошли за пищей, оказалось, что вместо супа приготовлена надоевшая всем до осточертения гречневая каша.

Команда решила лучше голодать, но каши не брать, так как в этой каше матросы видели издевательство над собой со стороны комсостава.

В 8 час. вечера последовал обычный сигнал на молитву.

Обыкновенно на молитву собиралось меньшинство. На этот раз в церковную палубу собралась поголовно вся команда. Но не для молитвы, а для того, чтобы сговориться, как лучше „выступать“.

Когда, по окончании молитвы, последовала команда: „Накройсь. Койки брать“, — матросы закричали:

— Не спать. А давай ужин.

Старший офицер, барон Фитингоф, ответил:

— Я вас, сволочи, всех перестреляю на месте!

Несколько матросов бросились на него, но Фитингофу удалось убежать. Команда кинулась с криками „ура“ на верхнюю палубу. Нужно было дать весть на берег, но у корабля не оказалось ни парового катера, ни даже шлюпки. Команда спустилась в батарейную палубу.

Что делать? Как осведомить товарищей на других кораблях?

Пока это обсуждали, командир „Гангута“ Кедров оповестил о „беспорядках“ среди команды всех офицеров. Офицеры вооружились.

Матросов вызвали наверх. Явился Кедров.

— Бунтовщики, сволочи! — вот были его первые слова. — У меня 45 вооруженных офицеров. Всех вас, сволочи, перестреляю.

Из команды закричали:

— Кто - нибудь да останется, чтобы бросить тебя за борт.

Возбуждение и единодушие команды было так велико, что командир понизил тон. Распорядился выдать по банке консервов.

Утомленные тяжелой погрузкой угля и изголодавшиеся моряки согласились получить консервы. Поевши, кое-кто даже лег спать.

На следующий день на „Гангут“ явился командующий флотом адмирал Канин. Вся речь его перед командой состояла из одних угроз тюрьмой.

На третий день начались под видом вызова на допрос—аресты. 96 матросов отправили в Свеаборгскую крепость.

Арестованным грозил неминуемый расстрел. Но перед судом над матросами питерские рабочие об'явили забастовку протеста. Забастовка была так внушительна, что царские палачи не посмели присудить матросов к смертной казни, а ограничились ссылкой в каторгу на 18—12 лет, меньше 8 лет срока не дали.

Жестокой расправой с гангутовцами царское правительство думало в корне подавить нараставшее революционное движение среди военных матросов.

Но это ему не удалось. Наоборот, как только глухие вести о расправе с гангутовцами разошлись по кораблям, матросская масса заскрежетала зубами.

С 5-го по 10-е сентября 1915 г. состоялась конференция революционеров в Циммервальде (в Швейцарии), выдвинувшая в своем манифесте лозунг:

— Долой бойню за интересы капитала! Да здравствует священная война пролетариата против буржуазии — гражданская война!

Этот боевой клич нашел живейший отклик прежде всего среди матросов русского военного флота.

К осени 1915 года на многих кораблях Балтийского флота организовались опять революционные ячейки. Через Ивана Никитича Егорова (проживавшего тогда под именем Ивана Федоровича Орлова) эти ячейки образовали „Комитет военных организаций" и через него же вошли в тесную связь с Петербургским Комитетом социал-демократической партии большевиков.

Практическую работу по об'единению революционеров на судах в Гельсингфорсе и Ревеле вел матрос с крейсера „Россия" Никифор Васильевич Брендин. Он же организовал на судах партийные ячейки большевиков.

В конце 1915 г. Петербургский Комитет большевиков начал работу по подготовке всероссийской политической забастовки, приурочивая ее к 22 января 1916 г.—ко дню воспоминания о расстреле царем рабочих в 1905 году. С этой целью комитетом было выпущено особое воззвание к армии и флоту. В воззвании говорилось:

„Солдаты! вас, которых оторвали от родных гнезд, разлучили с женами и детьми, во имя чего и чьих интересов заставили вас итти сражаться с врагом, которого вы раньше не видели и не знали. Для кого нужны те потоки крови и горы трупов, которыми устланы галицийские поля и Карпатские горы.—Вам эта война не нужна,—

говорится дальше,—для вас она несет только горе, разорение и гибель. На этом разбогатеют только „крепостники-дворяне и хищническая буржуазия". Не пора ли в таком случае призадуматься над тем, чтобы самим положить конец этой „бессмысленной бойне". Не пора ли обернуть штыки, на которые до сих пор опиралась власть, против самих угнетателей народа. Прислушайтесь же, что говорят передовые рабочие; организуйте ротные, батальонные и полковые солдатские дружины; читайте и распространяйте литературу; подготовляйтесь сами и подготовляйте товарищей; организуйтесь, чтобы вместе с революционным пролетариатом выступить против царского самодержавия и кровожадно-хищных капиталистов. Завоевать себе лучшую долю вам суждено только дружной борьбой об'единившихся против народных угнетателей под красным знаменем русской социал-демократической рабочей партии солдат, рабочих и крестьян.

Итак, да здравствует революционное об'единение солдат и рабочих! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует конфискация земель! Долой царское самодержавие!"

Среди армейских частей это воззвание распространял Семен Рошаль.

Тов. Рошаль был еще 20-тилетним юношей, но уже второй год работал в партии большевиков. Когда подошло время призыва на военную службу, партия предлагала ему скрыться, но он из'явил твердое желание пойти в войска, чтобы там продолжать революционную работу,—тем самым т. Рошаль обрекал себя на арест, тюрьму, каторгу. Арестовали его в том же 1915 году и посадили в петербургскую одиночную тюрьму „Кресты", где он пробыл вплоть до февральской революции 1917 года.

Среди матросов в Кронштадте революционное воззвание распространял организатор и руководитель кружка на линейном корабле „Император Александр II“, матрос, артиллерийский унтер-офицер—Иван Сладков.

До военной службы тов. Сладков был каменщиком,—из крестьян Тульской губернии; во флот поступил в 1910 г.; в следующем же году вошел в партию большевиков. В 1921 г. он был комиссаром морских сил республики; умер 5 июля 1922 года.

Тов. И. Сладков.

10 января 1916 г. тов. Сладков был арестован на крейсере „Цесаревич“, куда принес революционную литературу. Вместе с ним был арестован машинист первой статьи Степан Ерохин, которому Сладков принес литературу. При обысках у обоих было найдено много материалов, благодаря которым жандармы раскрыли всю организацию на кораблях „Цесаревич“, „Александр II“ и „Павел I“. В ночь на 8 марта в Гельсингфорсе арестовали Брендина, а в Кронштадте — матроса 1 Балтийского экипажа Николая Писарева и машиниста I статьи Тимофея Ульянцева, списанного сюда с крейсера „Россия“.

Обнаружилось, что существовала социал-демократическая (большевистская) организация, об'единявшая матросов-революционеров с линейных кораблей „Павел I“, „Петропавловск“, „Гангут“, „Полтава“, крейсеров „Россия“ и „Диана“, тральщиков „Фита“ и „Взрыв“, учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота и 1 Балтийского флотского экипажа.

Временный военно-морской суд 14 ноября 1916 г. приговорил: Ульянцева—к 8 годам каторжных работ, Брендина и Сладкова—к 7 годам каторги, дело Ерохина, в виду его болезни, было отложено.

VII.

На пороге к Октябрю.

„Патриотический“ угар, который в первые месяцы империалистической войны одурманил головы даже части рабочего класса, рассеивался одновременно с тем, как все больше и больше гибло наших полков и даже целых армий.

Бездарность русских генералов, предательство Мясоедовых, отсталость в техническом отношении, по сравнению, с „противником“,—должны были искупаться десятками тысяч жизней наших солдат.

Казавшееся „богатство“ царской России оказалось мыльным пузырем. Весной 1917 года, на третий год войны, все рабочие центры захватывала петля голода.

Было два выхода: либо вымирать на фронтах и от голода, либо бороться.

Пролетариат избрал последнее, потому что чувствовал себя способным к победе.

7 марта 1917 года черное небо русской жизни озарили первые зарницы Великой революции, прежде всего разрушившей до основания трон царского самодержавия.

В тот день рабочие питерских окраин вышли на улицу с громким требованием:

— Хлеба!

Рабочие отлично понимали, что голод неразрывно связан не только с войной, но и со всеми царскими порядками. Поэтому в этот же день к требованию „хлеба" прибавились лозунги:

— Долой самодержавие! Долой войну!

Эти требования были так насущны, что даже непоколебимо верные дотоле царю казаки отказались расстреливать рабочих.

Кронштадтцы—сразу по-большевистски.

В Петербурге в те дни матросов было мало. Корабли были сосредоточены в Кронштадте и около Гельсингфорса. Царское правительство принимало самые решительные меры к тому, чтобы вести о восстании рабочих в столице не дошли быстро до фронтов и военно-морских баз. Но это ему, конечно, не удалось.

В Кронштадте свирепствовал военный губернатор, морской держиморда адмирал Вирен; за пустяки карал беспощадно. Он запретил всякие собрания, и даже в казармах нельзя было сходиться в кучки более трех человек.

Вести о выступлении питерских рабочих перекинулись в Кронштадт тотчас же. 8 марта на пароходном заводе в 2 часа были прерваны работы. Рабочие всей многотысячной массой высыпали на улицы. Первое требование их было:

— Подать сюда Вирена!

Но матросы были тихи. Они как бы предчувствовали заранее ту огромную роль, какую придется им сыграть в развитии революции, и смотрели на дело серьезно.

Вечером 12 марта приехал делегат от рабочих и сделал доклад о положении дел в Питере.

Это была искра в бочку пороха.

Матросы начали революцию с первого шага по-большевистски — не только против царя и буржуазии, но и против бога.

В этот же вечер в учебном минном отряде, когда после справки (поверки) раздалась команда: „На молитву", никто не тронулся с места. На повторную команду какой-то матрос сердито крикнул:

— Молись сам. Бог твой, а не наш.

В 10 час. вечера вышел на улицу отряд минеров. Его вел матрос Колбин.

Командир 1 Балтийского флотского экипажа Стронский назначил из своего экипажа роту для усмирения. Но матросы этой роты быстро присоединились к восставшим.

Ночью же собрался огромный митинг на Якорной площади (теперь площадь Революции). С трех часов начали громить полицейские и жандармские учреждения. Появились было хулиганы. Но сейчас же был выделен караул в 200 человек, который быстро водворил полный революционный порядок. Лишь в двух магазинах были выбиты окна.

С раннего утра 13 марта начали арестовывать и истреблять реакционных адмиралов, генералов и офицеров.

Адмирал Вирен, когда его вытребовали к толпе, закричал:

— Смирно!..

Повидимому, он думал одним грозным окриком, по-наполеоновски, усмирить „бунтовщиков". Но это „смирно" вызвало, вместо обычного испуга, злобный хохот. Это было последнее „смирно" царского адмирала в Кронштадте...

Вирена убили. Убили Стронского, убили вице-адмирала Бутакова.

В этот же день утром был избран Временный Комитет революционного движения, к которому фактически и перешла вся власть в Кронштадте. От моряков в этот Комитет вошли—матросы Зайцев (от Службы Связи), Громов (от машинной школы) и лейтенант Гласко (от учебного судна „Верный“). Вечером Комитет пополнили еще тремя членами, вошел матрос с „Океана“ (теперь „Комсомолец“) Куприн.

Но вскоре, на ряду с этим Комитетом, образовались Совет Рабочих Депутатов и Совет Военных Депутатов. 24 марта они об'единились, включая и Комитет, и образовался Совет Рабочих и Солдатских Депутатов.

Из открытых революционерами тюрем вернулись в Кронштадт старые работники—т.т. Сладков и Рошаль; развернули на полный ход работу т.т. Федор Федорович Раскольников и Петр Иванович Смирнов (Светловский); все—твердые большевики, преданные делу рабочего класса до последнего издыхания, закаленные годами в тюрьме и на каторге, талантливые агитаторы, организаторы, пропагандисты.

Организовали тотчас Партийный Комитет и партийную газету „Голос Правды“.

С первых же дней своей работы Кронштадтский Совет начал делать „неприятности“ Временному правительству Питера.

Матросы на митинге вынесли резолюцию:

„1. Немедленно всю землю отдать крестьянам.

2. Немедленно всю власть отдать Советам.

3. Выразить полное доверие „Правде“ и „Голосу Правды“, истинным друзьям нашим“.

Временное правительство в Питере всполошилось.

Тов. Ф. Ф. Раскольников.

Тяжба Кронштадта с ним началась по вопросу об арестованных матросами офицерах. Матерому буржую Гучкову, тогдашнему военному и морскому министру, хотелось, во что бы то ни стало, „вызволить“ офицеров из Кронштадта, т.-е. из рук матросов. Но матросы в ответ требовали суда над арестованными. Приезжали уговаривать матросов сам Керенский и сама „бабушка революции“ Брешко-Брешковская (теперь — предательница рабочего дела). Матросы стояли на своем.

Наконец, 26 мая Кронштадский Исполком Совета вынес революцию:

„Единственной властью в городе Кронштадте является Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, который по всем государственным делам входит в непосредственный контакт с Временным правительством“.

Это было первое в мире начало осуществления лозунга—„Вся власть Советам“.

Через три дня эту явно большевистскую резолюцию обсудил весь Совет и подтвердил, резко изменив конец. Кронштадтский Совет 29 мая постановил сноситься непосредственно не с Временным правительством, а с Петербургским Советом Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Временное правительство и все буржуазные соглашательские газеты забили в колокол:

— Кронштадт бунтует... Кронштадт отделился от России...

В Кронштадт были направлены лучшие мастера языкоблудия соглашательства: Чхеидзе, Гоц, Либер, Виноградов (кадет), Анисимов.

Их выслушали, но ничего не ответили. Кронштадтцы решили свой ответ свезти непосредственно в Петербургский Совет Депутатов: они стояли на своем. Они не отказывались признавать Временное правительство, но не отдавали никому и вла-

сти Кронштадтского Совета. 8 июня Питерский соглашательский Совет принял резолюцию:

1) Потребовать от всех кронштадтцев немедленного и беспрекословного исполнения всех предписаний Временного правительства, которое оно сочтет необходимым издать в интересах революции и внешней безопасности страны.

2) Сообщить настоящее постановление по телеграфу всем кронштадтским фортам, всем крепостным и судовым командам Балтийского флота, а также всем Советам.

В ответ на это Кронштадтский Совет выпустил обращение ко всей России. В этом обращении говорилось:

„Граждане, товарищи и братья!

Имя Кронштадта, занесенное на славные страницы истории русской революции, сейчас поносится и шельмуется на страницах всех буржуазных газет. Злобные перья контр-революционных клеветников пишут, будто мы, кронштадтцы, зовем народ к произволу, самосуду и анархии, будто мы подвергаем мучениям арестованных нами насильников и слуг царизма, наконец, будто мы отказались признавать власть Временного правительства, отложились от России и образовали самостоятельную Кронштадтскую республику. Какая бессмысленная ложь, какая жалкая и постыдная клевета!“

Дальше говорится в обращении:

„У себя на месте, в Кронштадте, мы ввели не анархию, а честный и твердый революционный порядок. Наш Совет Рабочих и Солдатских Депутатов взял в свои руки власть во всех местных кронштадтских делах. Мы против самосуда, против произвола, против всех видов недостойной мести пленным слугам царизма, но за честный, свободный, беспристрастно организованный суд

революционный над преступными врагами народа".

В дополнение к печатному обращению—19 июня Кронштадтский Совет нарядил специальную делегацию, во главе с тов. Ф. Раскольниковым, по всему Финскому побережью—для того, чтобы перед всею массою матросов осветить истинное положение дела в Кронштадте и передать действительные стремления кронштадтских матросов.

В Гельсингфорсе.

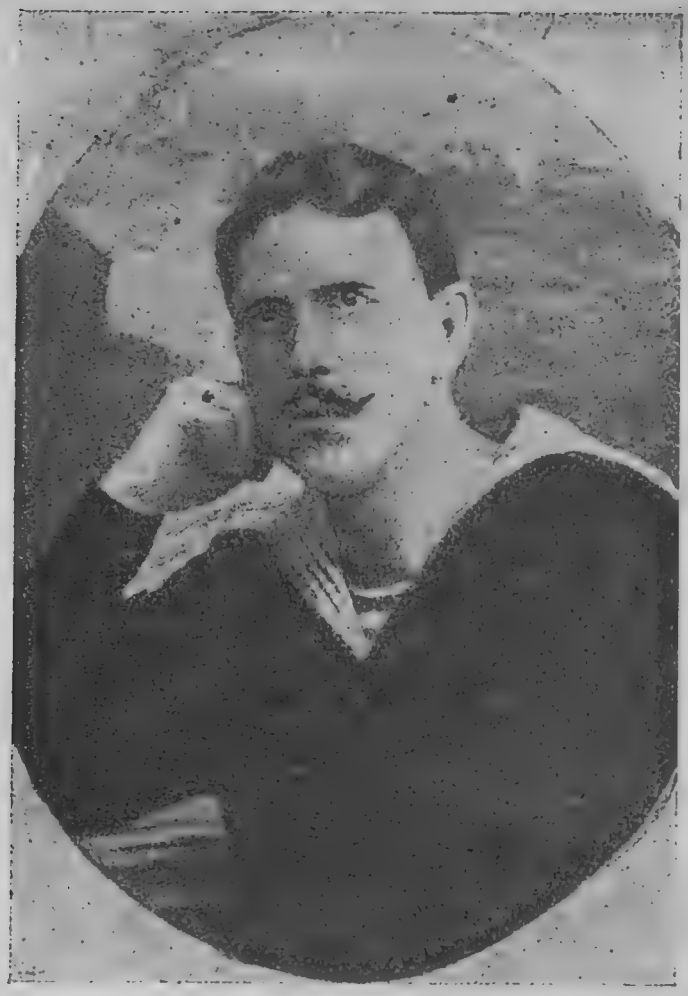
Здесь во время февральской революции было сосредоточено большинство судового состава Балтийского флота.

Первый состав Центрального Комитета Балтфлота („Центробалт") был таков: 22 члена меньшевиков и эс-эров, 9 большевиков и 2 сочувствующих большевикам. Но в президиуме председателем был большевик (тов. П. Е. Дыбенко), 2 секретаря, сочувствующие большевикам, и только зампредседателя был меньшевик. Таким образом, фактическое руководство и в Гельсингфорсе сразу же оказалось в руках большевиков.

Тов. Дыбенко в своей книге „Мятежники" отмечает, что уже на 3-м (т.-е. в первые же дни февральской революции) заседании Гельсингфорсского Совета по вопросу о доверии Временному правительству рядовые матросы высказались определенно за недоверие этому правительству.

К концу апреля команды „Республики", „Петропавловска" (теперь „Марат"), „Севастополя", „Андрея Первозванного", „Авроры", „России" — уже почти целиком стояли на большевистской точке зрения.

Кроме тов. Павла Дыбенко, революционную работу вели в Гельсингфорсе т.т. Антонов-Овсе-



Тов. П. Е. Дыбенко.

Митинг на Сенатской площади в Або. 1917 г.

енко, Александра Коллонтай, Ф. Аверичкин, Штарев, Измайлов.

Издавалась большевистская газета „Волна“, потом—после ее закрытия соглашателями—переименована в „Прибой“.

В Черноморском флоте.

Командовал флотом знаменитый потом белогвардеец Колчак. Наверх выпирали эс-эры и меньшевики.

В конце апреля там пронесся слух, что в Севастополь намерен приехать Ленин, чтобы обольшевичить матросов и рабочих.

Эс-эры и меньшевики с пеной у рта начали агитировать за то, чтобы „не пускать Ленина в Севастополь“, — испугались большевистской заразы.

Верховодил в то время в Севастополе Центр. Исполн. Комитет из офицеров, солдат, матросов и рабочих—около 200 чел.

Этот „Исполком“ постановил „не пускать Ленина“. Мало того, была организована особая делегация в Балтфлот, чтобы „образумить“ балтийцев против большевизма.

„Нет худа без добра“: в ответ на эту делегацию балтийцы послали к черноморцам своих делегатов, которые быстро повернули дело в Черноморском флоте в большевистскую сторону.

Особенно энергично и умело вела большевистскую работу Надежда Ильинишна Островская.

За власть Советов!

(Июльские дни).

Война за интересы капиталистов уже давно всем рабочим и солдатам осточертела.

Однако, Керенскому все-таки 1 июля удалось часть войск двинуть в наступление, кончившееся

гибелью 20 тысяч человек на реке Стоходе. Ненависть трудящихся к Временному правительству возросла до крайних пределов.

В этот же день в Петербурге состоялась мирная демонстрация полумиллиона рабочих с протестом против войны и Временного правительства.

Матросы 6 июля устами Кронштадтского Совета приняли резолюцию:

„Наступление будет на руку только коронованным разбойникам и некоронованным грабителям—капиталистам".

И, принимая это во внимание, Кронштадтский Совет Р. и С. Д. нашел, что:

1) В настоящее время необходима кампания, особенно резко разоблачающая политику правительства и партию меньшевиков и с.-р. оборонцев.

2) Необходима организация войсковых частей и пропаганда составления революционных полков внутри страны для отпора контр-революции.

3) Необходима энергичная агитация за перевыборы в Совет Рабочих и Солдатских Депутатов и отзыв тех депутатов, которые одобрили гибельную тактику наступления, и

4) Необходима пропаганда, выясняющая, что вся ответственность за все последствия этой тактики ложится на Временное правительство и поддерживающий его социалистический, якобы, блок.

Обратите внимание на второй пункт. В нем, по существу, предлагается ни больше, ни меньше, как организовать Красную армию... А, ведь, эта резолюция была принята за три с половиной месяца до октября 1917 г.

Партия большевиков в это время еще всячески сдерживала рабочих и матросов. Она видела, что революционные силы еще не выросли до такой

степени, чтобы можно было наверняка рассчитывать на успех.

Но терпение трудящихся масс в Петрограде истощилось. Массы сами выступили с решительным требованием:

— Вся власть Советам!

Матросы, уже давно готовые ринуться в бой с соглашателями, конечно, были в первых рядах восставших.

16 июля в Кронштадт прибыла группа анархистов с призывом к матросам поддержать восставший в Питере 1-й пулеметный полк.

Собрался огромный митинг на Якорной площади.

Своими зажигательными речами приехавшие анархисты накалили толпу до белого каления.

Выступил тов. Рошаль, который пользовался огромным авторитетом у кронштадтцев с 1915 г. Но когда он начал гнуть линию большевиков, когда начал предостерегать от преждевременного восстания, толпа не дала ему говорить.

Только тов. Ф. Раскольникову удалось несколько отрезвить митинг от анархистской горячки: по его предложению немедленное восстание было отложено.

Однако, настроение моряков и рабочих было таково, что какое-то выступление организовать было необходимо.

Партия большевиков выставила лозунг:

— Мирная, но вооруженная демонстрация.

Руководителями демонстрации от Кронштадта были выбраны т.т. Раскольников, Рошаль и один от левых эс-эров.

Утром 17 июля кронштадтские матросы и рабочие уже шли стройными колоннами, с оркестром, по Петрограду.

Шли к Таврическому дворцу (теперь дворец имени т. Урицкого), где заседал Исполком соглашательского Совета. По дороге зашли к дворцу

Кшесинской, где помещался Центральный Комитет большевиков. Выступил тов. Ленин. По словам одного из участников шествия, т. Ленин сказал:

— Приветствую кронштадтских матросов от имени петроградских рабочих. Несмотря на временные зигзаги, наш лозунг „Вся власть Советам" должен победить и, в конце-концов, победит, во имя чего от нас требуется колоссальная стойкость, выдержка и сугубая бдительность.

Тов. Ленин был нездоров и говорил мало.

Керенский в это же время готовился к бою. Он стянул на главные пункты кое-какие „верные правительству" войска. На Литейном проспекте (теперь проспект имени Володарского) по кронштадтцам открыли стрельбу.

Отряд на минуту дрогнул от неожиданного нападения из-за угла, но быстро оправился и достиг, наконец, Таврического дворца. Здесь же был отряд моряков с форта Ино.

— Милюкова!—требовали матросы [1]).

Вместо Милюкова вышел лже-крестьянский министр эс-эр Виктор Чернов, тот самый, который раньше вылил ушаты лжи и помоев на кронштадтцев за их, якобы, „отложение" от России.

— Арестовать его! — раздались дружно голоса.

В миг будущий вдохновитель эс-эровского террора против вождей большевиков был арестован. На счастье Чернова, в этот момент перед матросами появился т. Троцкий.

— Краса и гордость русской революции не нуждается в насилии над беззащитными, — заметил он, и уговорил матросов отпустить перетрусившего, с позволения сказать, министра.

Товарищи Ленин, Троцкий, Зиновьев и все другие руководители движения всячески стреми-

---

[1]) Министр, который требовал, во что бы то ни стало, продолжения империалистической войны.

лись удержать демонстрантов от вооруженного восстания. Кронштадтцам была предоставлена свобода: кто хочет—пусть остается в Питере, кто хочет — пусть возвращается в Кронштадт. Большинство осталось в Питере. Их разместили в Петропавловской крепости, в доме Кшесинской, в Морском корпусе (теперь Военно-Морское училище), в Дерябинских казармах (на Васильевском острове, у взморья).

Тем временем, соглашательское правительство подняло на ноги все „верные ему" — пехотные и казачьи полки. Матросы оказались осажденными в занятых ими пунктах.

17 июля, в день прихода кронштадтцев, помощник морского министра Дудоров отправил в Гельсингфорс командующему флотом Вердеревскому две секретных телеграммы:

1. „Временное правительство, по соглашению с Исполнительным Комитетом, приказывает: немедленно послать „Победитель", „Забияку", „Гром" и „Орфей" в Петроград, где им войти в Неву. Итти полным ходом. Посылку пока держать в секрете. Если кто из миноносцев не может быстро выйти, не задерживать других. Начальнику дивизиона по приходе немедленно явиться мне. Если, по вашим соображениям, указанные миноносцы прислать невозможно совершенно, замените их дивизионом, наиболее надежным. Дудоров".

2. „Временное правительство, по соглашению с Исполнительным Комитетом С. Р. и С. Д., приказало принять меры к тому, чтобы ни один корабль без вашего приказания не мог итти в Кронштадт. Предлагаю не останавливаться даже перед потоплением такого корабля подводной лодкой: для чего полагаю необходимым подводным лодкам занять заблаговременно позицию. Дудоров".

„Секрет“ стал известен тотчас же Центральному Комитету Балтийского флота, который постановил немедленно, 17 же июля, послать в Петроград на трех миноносцах делегацию от всех судовых комитетов флота для получения сведений о положении в Петрограде и для ареста помощника морского министра Дудорова, как явного контр-революционера. Вместе с тем была принята резолюция о необходимости захвата всей государственной власти в руки Всероссийского Исполнительного Комитета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов.

В Питере делегация, привезшая эту резолюцию, была арестована во главе с председателем ее т. Измайловым.

В Гельсингфорсе целые сутки ждали известий от своей делегации и, не дождавшись, отправили 19 июля вторую вместе с председателем Центробалта т. Дыбенко. Эта делегация была в Питере тоже арестована и посажена в одиночную тюрьму „Кресты“.

У матросов в Петропавловской крепости отобрали оружие.

Началась „демократическая“ расправа. Керенский приказал кронштадтцам выдать зачинщиков, иначе, — пугал он, — все кронштадтцы будут об'явлены изменниками.

Конечно, Кронштадтский Совет наотрез отказался выполнить этот приказ. Но т.т. Раскольников и Рошаль, несмотря на категорические протесты всех кронштадтцев, сами сдались, не желая разжигать преждевременно борьбу.

Остальных наиболее деятельных матросов демократическое правительство вылавливало по одиночке для заключения в тюрьму.

С этого времени все матросы в глазах соглашательского правительства стали „изменниками“.

Да. С июльских дней весь флот окончательно „изменил“ буржуазии и твердо взял курс на пролетарскую Октябрьскую революцию.

Проба сил.

Империалистическая бойня продолжалась. Сухопутные германские войска оборонялись от войск англо-французских.

Полагая, что революция окончательно расшатала боевую силу русского флота, германцы в конце сентября направили к Финскому заливу громадную эскадру: 11 дреднаутов, 10 легких крейсеров, большое число миноносцев, тральщиков, вспомогательных судов и большой десант сухопутных войск. Хотели прорваться к Петрограду.

У нас против этой эскадры было только два лин. корабля, три крейсера, три канонерские лодки, немного миноносцев и кое-какие вспомогательные суда.

В это время как раз происходил Второй С'езд моряков Балтийского флота. Перед балтийцами встали задачи доказать на деле, что они не спустят красных флагов с мачт своих кораблей перед германским империализмом.

Силы были заведомо не равны. Но нельзя допустить, чтобы сапог кайзера Вильгельма растоптал Петроград, где уже назрела Октябрьская революция.

Балтийцы решили умереть в бою. Но перед боем 2-й С'езд Балтфлота составил завещание „К угнетенным всех стран“. Вот это завещание:

„Братья!

В роковой час, когда звучит сигнал боя, сигнал смерти, мы возвышаем к вам свой голос, мы

посылаем вам привет и предсмертное завещание.

Атакованный превосходными германскими силами, наш флот гибнет в неравной борьбе. Ни одно из наших судов не уклонится от боя, ни один моряк не сойдет побежденным на сушу. Оклеветанный, заклейменный флот исполнит свой долг, долг перед Великой революцией. Мы обязались твердо держать фронт и оберегать подступы к Петрограду. Мы выполним свое обязательство. Мы выполняем его не по приказу какого-нибудь жалкого русского Бонапарта, царящего милостью долготерпения революции. Мы идем в бой не во имя исполнения договоров наших правителей с союзниками, спутывающих цепями руки русской свободы. Мы исполняем верховное веление нашего революционного сознания. Мы идем к смерти с именем Великой революции на недрожащих устах и в горячем сердце борцов. Русский флот всегда стоял в первых рядах революции. Имена моряков вписаны на почетном месте в книгу великой борьбы с проклятым царизмом, и в яркие дни развивающейся революции моряки всегда шли в авангарде борцов за ее конечные цели—до полного освобождения всех трудящихся. И эта борьба с отечественными хищниками, борьба не на жизнь, а на смерть, дает нам святое право призвать вас, пролетарии всех стран, призвать вас твердым и перед лицом смерти голосом к восстанию против своих угнетателей. Сбросьте с себя оковы, угнетенные! Поднимайтесь на борьбу! Нам нечего терять в этом мире, кроме цепей! Мы верим, мы дышим верою в победу революции. Мы знаем, что свой долг наши братья по революции выполнят до конца на баррикадах последнего боя. Мы знаем, что близок этот решительный бой. Разгорается великая борьба, дрожит горизонт пламенем восстания угнетенных всего мира. В час, когда волны Балтики окрашиваются кровью на-

ших братьев, когда смыкаются темные воды над их трупами, мы возвышаем свой голос. С уст, сведенных предсмертной судорогой, мы поднимаем последний горячий призыв к вам, угнетенным всего мира:

— Поднимайте знамя восстания!

— Да здравствует всемирная революция!

— Да здравствует справедливый общий мир!

— Да здравствует социализм!"

VIII.

В бою.

(Октябрьские дни).

Контр-революционное восстание генерала Корнилова (по соглашению с Керенским) в августе 1917 года показало, что дальнейшему развитию революции грозит смертельная опасность. Партия большевиков под руководством Ленина зорко следила за внутренним и международным положением. Войска и крестьяне различными заявлениями показывали, что они быстро переходят на большевистскую линию.

Чтобы отразить Корнилова, соглашательское правительство вынуждено было вооружить рабочих.

Корниловский мятеж был подавлен. (Моряки и в этом деле играли огромную роль. В помощь питерским рабочим были даны миноносцы „Разящий" и „Боевой").

Соглашательское правительство потребовало, чтобы рабочие все до единого сдали оружие. Рабочие отказались.

8 октября соглашатели ввели во Временное правительство матерых буржуев: Коновалова, Карташова, Терещенко, Кишкина. Временное правительство заявило, что часть войск из Петрограда

должна быть выведена на фронт,—правительству хотелось освободить столицу от революционных солдат. Оно готово было сдать Питер немецким империалистам, лишь бы помешать развитию революции.

23 октября Центральный Комитет партии большевиков окончательно решил начать вооруженное восстание против буржуазии.

Для политического руководства восстанием было избрано Полит-Бюро (Ленин, Зиновьев, Ка-

Кронштадт. 1918 г. Трибуна и плакат работы итальянского художника Гранди.

менев, Троцкий, Сталин, Сокольников и Бубнов). Для практического проведения восстания 29 октября Петроградским Советом Рабочих Депутатов был организован Военно-Революционный Комитет. Военно-Революционный Комитет потребовал от Штаба Петроградского Военного Округа права контролировать работу Штаба. Получили отказ. 5 ноября от В.-Р. Комитета были назначены свои комиссары во все воинские части в Петрограде.

Керенский начал стягивать в Питер казавшиеся ему верными войска с фронта. Спешно организовались для подавления большевиков юнкера военных училищ и женские батальоны „ударниц".

С часу на час должен был начаться бой—впервые в мире за власть Советов, за дело коммунизма.

Многолетняя революционная борьба моряков, выступление балтийских матросов в июльские дни

1 мая 1918 г. Парад на Марсовом поле в Ленинграде.

и при подавлении корниловщины убедили рабочий класс и его партию большевиков в том, что матросы беззаветно, непоколебимо готовы ринуться в бой против буржуазии в любой момент. И поэтому, как только подошло дело к решительной схватке—именно им, морякам, Коммунистическая Партия поручила ответственнейшие участки рево-

люционной борьбы в ночь с 6 на 7 ноября 1917 г.

Кронштадт 3 ноября прислал в Питер т.т. Гредюшко и Пронина с вопросом:

— Когда выступать?

1919 г. В дни Юденича. Проверка пропусков.

Покойный теперь Як. Мих. Свердлов, тогда член Питерского Революционного Комитета, ответил:

— Сейчас не нужно. Но будьте в полной боевой готовности и ждите распоряжения из Военно-Революционного Комитета из Смольного.

Кронштадтцам не терпелось. 4 ноября Исполком постановил обратиться к рабочим и гарнизону Петрограда с призывом немедленно выступить совместно с кронштадтцами для свержения нена-

вистного Временного правительства. Одновременно Исполкомом решено тотчас же организовать сводно-боевой отряд из матросов Кронштадта и Гельсингфорса. Начальником отряда назначен

Тов. Колбин.

тов. Новиков, помощниками ему т.т. Калис и Гримм.

Привезшему 5 ноября в Смольный воззвание кронштадтцев, т. Пронину, член Ревкома тов. Антонов-Овсеенко об'явил:

— Кронштадтцы должны быть завтра вечером в Петрограде, пехоты не требуется, высадите морской десант с набережной р. Невы и займите Зимний дворец. Кексгольмский полк будет помогать вам в этом с Дворцовой площади. Крейсеру „Авроре" сделано распоряжение встать на Неве против Зимнего Дворца, и вы со своим десантом при высадке будете находиться под прикрытием ее пушек. Впрочем, все это я вам изложу письменно.

Тов. П. И. Курков—член Р. В. Совета Балтморя.

И затем дал письменное приказание с изложением того, что передал устно.

В 7 час. вечера, 6 ноября, прибыл в Петроград сводно-боевой отряд в 9.300 человек из Кронштадта. Прибывало 4.000 человек из Гельсингфорса.

Кронштадтцы разделились на несколько отрядов. В тот же вечер отряд под командой т. Зайцева занял Новое Адмиралтейство. Отряд тов. Сладкова занял Военный Порт (Новую Голландию) с мощной радиостанцией. Третий отряд тов. Петухова занял Главное Адмиралтейство и арестовал старый штаб флота.

Другие отряды продвигались к Зимнему дворцу. На Конногвардейском бульваре (теперь бульвар Профсоюзов) моряки были встречены убийственным пулеметным огнем с двух автомобилей.

Одновременно с кронштадтцами, к Зимнему дворцу двигался отряд 2-го Балтийского экипажа.

В полночь с 6 на 7 ноября начался штурм Зимнего дворца, где засело Временное правитель-

ство под охраной юнкеров и женских ударных батальонов. Из Петропавловской крепости, занятой отрядом тов. Волхонского, начали стрельбу холостыми выстрелами.

Густыми цепями шли моряки. Местность, прилегающая к дворцу, оказалась защищенной мас-

Начальник Морских сил Черного моря
тов. Нанцержанский.

сой пулеметов и ударницами; каждый шаг приходилось брать с бою.

Через полчаса послали во дворец для переговоров о сдаче. Дворец ответил отказом.

Раз'яренные ненавистью к керенщине матросы забыли всякие предосторожности и в лоб шли на дворец, против ураганного огня пулеметов. Группа моряков отбила у юнкеров броневик. Мотор враги успели испортить. Матросы сняли пулеметы и пустили в дело.

С Невы помогал наступавшим крейсер „Аврора“. В наиболее трудный момент атаки—с „Авроры“ раздался залп из тяжелых орудий. Выстрелы были холостые, но они навели панику на защитников дворца и прибавили отваги наступающим матросам.

Нужно было поддержать порядок на улицах Петрограда. Наряжен был патруль из матросов 1-го Балтийского флотского экипажа под начальством тов. Железнякова.

На следующий день уже работал Совет Народных Комиссаров во главе с тов. Лениным. Открывшийся в тот же день 2-й Всероссийский С‘езд Советов уже был полновластным выразителем диктатуры пролетариата. Великое совершилось.

XI.

Не сдадим власть Советов!

Недостаточно завоевать и захватить, — надо удержать и укрепить власть Советов под руководством Коммунистической Партии.

Сбежавший из Питера Керенский тотчас же начал собирать из темных казачьих частей отряд для похода на первый город пролетарской диктатуры—теперешний Ленинград.

Т.т. Раскольников и Рошаль, освободившиеся из тюрьмы, немедленно начали организовывать питерские полки на фронт против Керенского. Дело нелегкое: большевики до сих пор агитировали: „долой войну“, а теперь опять призывают воевать.

Наши части отступали перед отрядами Керенского без боя. Белогвардейцы заняли Гатчино, Царское Село, подошли к Пулкову, т.-е. почти вплотную к Петрограду, — мозг и сердце пролетарской революции оказались в смертельной опасности.

Ленин опять первым делом обращается к морякам. Он лично, по прямому проводу, ведет переговоры с Кронштадтом, с Центробалтом, выспрашивает тов. Раскольникова: как и насколько может помочь делу революции флот.

Об ответе, какой дал флот, нечего говорить:

— Всегда готов!

Т.т. Раскольников, Ульянцев (тот самый, который в 1916 году был осужден на 8 лет в каторгу), Рошаль [1]), Дыбенко быстро собирали матросов и те корабли, которые можно было подвести к Петрограду.

Наморси СССР тов. В. И. Зоф.

Моряки бились беззаветно; своим героизмом они заражали и пехотные части.

Натиск отрядов Керенского был отражен,—опасность для Питера была устранена.

В другой столице революции—в Москве—дело затягивалось: там соглашатели упорно сопротивлялись.

Коммунистическая Партия и туда послала отряд моряков во главе с т. Раскольниковым. Комиссаром у него был гельсингфорсский матрос тов. Ховрин; в отряде были Алексей Баранов и Анатолий Железняков (анархист). С этим же отрядом ехал тов. К. С. Еремеев, старый моряк, ленинец с 1896 года (теперь членРевол. Военного Совета СССР и начальник Политуправления Реввоенсовета Балтморя).

---

[1]) В 1919 г. погиб на юго-западном фронте. Имя т. Рошаля присвоено Военно-Морскому Политическому Училищу в Ленинграде.

По дороге отряд матросов задержал броневой поезд белых, которые шли на подмогу контр-революционерам в Москве, — тем самым моряки помогли московским товарищам еще с дороги.

Москва тоже была завоевана пролетариатом.

Боевыми вестниками рассыпались военморы после Октябрьских дней по необ'ятным просторам Советской земли и всюду несли с собой животворный огонь борьбы за власть Советов, за освобождение трудящихся от гнета буржуазии. Загорелая, открытая грудь моряка, синий воротник фланельки и постоянно колышущаяся ленточка матросской бескозырки — кто и где их не встречал? Матрос стал страшилищем для буржуазии и желанным товарищем для пролетария и бедняка-крестьянина.

И где только нет костей погибших борцов-матросов... Холодные тундры севера, Крым, тихие степи Дона, бурливые пороги Днепра, угрюмые леса Урала везде десятки могил безвестных мучеников за святое дело трудящихся.

Когда в 1919 году на Питер наседал генерал Юденич и когда питерские моряки из доклада тов. Зиновьева в Екатерингофских казармах услышали об опасности, они прервали доклад и немедленно выстроились тут же, у казарм, чтобы, вооружившись, двинуться в бой.

Моряков почти не было в плену у белых: живыми они не сдавались, а тех, кто как-нибудь случайно попадался в лапы белогвардейцев, с издевательством убивали.

Кронштадтская волынка.

Убедившись с первых шагов борьбы в преданности моряков делу пролетарской революции, белогвардейщина направляла на флот свои самые сильные удары, изощряясь во всевозможных спо-

собах, чтобы поколебать матросов. Весной 1921 г. она через своих наемников эс-эров попробовала вонзить свой отравленный нож в Кронштадт,— в тот самый Кронштадт, который все время был

Тов. И. К. Наумов, бывш. член Реввоенсовбалта, ныне завед. Агитпропотдела Ленинградского Губкома РКП (б).

верным часовым революции и который захватом раньше других власти в руки Советов явно помог подготовить Октябрьскую революцию.

Удар был выбран хитро. Весной 1921 г. Кронштадт как раз не был подлинным сердцем матросов—большевиков. Все лучшие военные моряки, старые борцы, испытанные большевики, в то время работали по всем углам широкой РСФСР, закрепляя победы революции. В Кронштадте оставались в значительном количестве „липовые иванморы", присосавшиеся к флоту, как шкурники и авантюристы, в 17 и 18 годах. Кронштадт был грязной коростой на теле флота.

В это же время происходил поворот по всей РСФСР в сторону от героического периода революции к полосе мирной работы. Крестьянство после победы над белогвардейщиной почувствовало прочность закрепления за собой бывших помещичьих земель, дальше итти к коммунизму в ногу с рабочим классом по военной дороге оно не хотело. Выпятилась „мелкобуржуазная стихия",—она-то и прорвалась через Кронштадт наружу. Флот и тут оказался „впереди", но на этот раз „шиворот на выворот".

„Волынка" была ликвидирована самими же моряками при товарищеской поддержке красноармейцев и рабочих.

X.

К строительству и развитию.

Удар по Кронштадту не только не ослабил революционную энергию подлинных краснофлотцев, но поддал им еще больше жару.

С удесятеренным напряжением военные моряки начали собирать и строить подлинно Красный Рабоче-Крестьянский флот.

И менее, чем через год, хозяин земли Советской Всероссийский 9-й С'езд Советов уже отметил „с удовлетворением усилия лучших военных мо-

ряков сохранить в нынешних трудных условиях живое ядро флота".

И тот же С'езд выразил твердую уверенность, в том, что Красный флот „выполнит свои обязанности по охране подступов к Социалистической республике".

Из „пасынка революции", каким флот (по выражению т. Троцкого) стал-было весной 1921 года, он вскоре снова своей работой вернул себе положение первородного сына.

После Кронштадтского мятежа была произведена глубокая и широкая чистка. Все „липовое иванморство" выброшено; все те, кто носили военно-морскую форму, а „плавали только по железным дорогам мешечниками", изгнаны.

Тов. К. С. Еремеев—член Р.-В. Совета СССР и нач. Политуправления Реввоенсовета Балтморя.

Пополняться флот стал отборным комсомольским молодняком.

Прежде всего комсомольцами в 1921 году пополнены военно-морские учебные заведения. По почину РКП (б), 16 октября 1922 г. 5-й Всероссийский С'езд РКСМ принял шефство над всем Рабоче-Крестьянским Красным флотом.

Через Комсомол Красный флот широко связался с массой рабочих и крестьян. РКСМ взял на себя большую задачу — раз'яснить рабочим и крестьянам необходимость строительства Красного флота для обороны СССР и для обеспечения морских путей сообщения.

В том же 1922 году проведены первые после империалистической войны маневры Красного

флота; в 1923 г. — вторые. Весенние экзамены краснофлотского молодняка в 1924 г. показали, что значительное количество подготовилось на 30 — 40% выше довоенного времени. Выход в плавание в этом же году Черноморский и Балтийский флота начали на 2 — 3 недели раньше, по сравнению с царским флотом. Корабли „Аврора", „Комсомолец" и „Воровский" сделали заграничный поход.—Красный флот стал небольшой, но вполне организованной и надежной боевой силой, вооруженной рукой пролетарской революции, плотью от плоти, кровью от крови рабоче-крестьянских масс СССР.

Сто лет военные моряки стояли в первых рядах русского революционного движения. Теперь их заветным стремлением является—занять передовые позиции в мировой пролетарской революции.

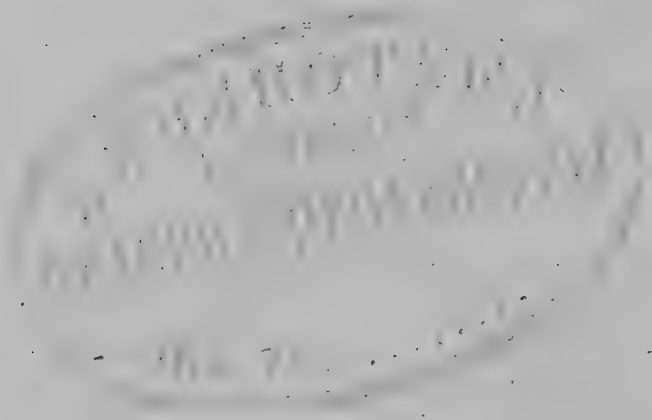
Краснофлотцы не перестанут быть революционерами до тех пор, пока не будет водружено Красное Знамя Коммунистических Советов надо всем миром.

Краснофлотцы умом и сердцем принадлежат III Коммунистическому Интернационалу. И по первому его кличу с гордой радостью готовы ринуться в каждый миг на помощь пролетариату любой страны, как только эта помощь потребуется.

Военные моряки сегодня, так же, как и 8 лет назад, стоят крепко в рядах Красной гвардии пролетарской революции, плечом к плечу с передовыми колоннами борющегося пролетариата.

Оглавление.

		стр.
	Предисловие ко 2-му изданию	3
I.	**Моряки в революции**	7
II.	**Моряки в декабрьском восстании 1825 г.**	9
III.	**Моряки-народники**	13
IV.	**Революция 1905 г.**	22
	Восстание на „Потемкине“	30
	Ноябрьское восстание	37
	Кронштадт	50
	Свеаборг	67
	На „Памяти Азова“	69
V.	**Неугомонные**	73
VI.	**Против течения**	78
VII.	**На пороге к Октябрю**	84
	Кронштадтцы—сразу по-большевистски	85
	В Гельсингфорсе	91
	В Черноморском флоте	93
	За власть советов! (июльские дни)	—
	Проба сил	99
VIII.	**В бою** (октябрьские дни)	101
IX.	**Не сдадим власть Советов!**	108
	Кронштадтская волынка	110
X.	**К строительству и развитию**	112



РЕД.-ИЗД. ОТДЕЛ В.-М. СИЛ Р.-К К.Ф.

	Цена. р.	к.
Вышли из печати:		
Валь. Ленин во всем	—	65
Алые вымпела. Сборник краснофл. литерат. творчества	1	—
Вишневский, Вс. За власть Советов	—	20
Заикин. Огонь над морем	—	35
Холодняк. «Аврора»	—	80
Зоф, В. Из истории флота прошлого и настоящего, изд. 2-е	—	20
Вишневский. Между смертями	—	50
Славинский. Торговый и военный флоты—союзники	—	50
Жербо. В одиночестве через океан	—	45
Революционная и боевая работа М. В. Фрунзе	—	10
Давыдов, Л. Жертвы седого океана	—	35
М. Б. Гребля	—	10
Лукашевич. Краткий словарь морск. выражений ,изд. 2-е	—	30
Правила ведения счетоводства и отчетности во Флоте	—	85
Сакеллари. Беседы о кораблевождении	—	30
Советов, С. А Погода и ее предсказания	—	55
Льготы и преимущества для военнослужащих	—	15
Справочная книжка молодого военмора	1	35
Таблицы семафора и азбуки Морзе в красках	—	20
Таблицы для перевода русских мер в метрические и обратно	—	20
Егоров. Наши соседи, изд. 2-е	—	65
Жерве. Значение морской силы, изд. 3-е	—	75
На вахте Революции. Сборник статей	—	50
Новосильцев Как флоты помогают армиям	—	55
Крылов. Основные сведения по теории корабля	—	25
Поморцев. Пират—невидимка	—	35
Давыдов, Б. В тисках льда	—	30
Лейтенант П. П. Шмидт Воспоминания сестры, изд. 3-е	1	20
Платонов. Черноморский флот в Революции 1917 г.	—	60
Полляк. В высь. Авиация, ее значение	—	45
Шведе. Военные флоты	2	50
Шведе. Ютландский бой	3	—

Военно-Морские журналы:

1. **Красный Флот**—популярно-политический, рисующий жизнь и быт Красного Флота; 4-й год изд.
2. **Морской Сборник**—старейший научный; 78-й год изд.

ЦЕНА КАЖДОГО ЖУРНАЛА:

На год . . . . . 15 р.
На полгода . . . . . 8 »

С требованием обращаться в Книжный Склад в.-м. с. РККФ.: Ленинград, Главное Адмиралтейство.

На запросы Склад отвечает при присылке почтовой марки.

цена 60 коп.